
АЛЕКСАНДР МАТЮХИН
ИДЕАЛЬНОСТЬ
18+

Александр Матюхин

Идеальность

«Автор»
2026

Матюхин А.

Идеальность / А. Матюхин — «Автор», 2026

Мы все идеальны в мелочах.Бывшая порноактриса и наркоманка отлично знает, как выбраться с того света и не сойти с ума.Выжившая после нападения мужа идеально разбирается в домашнем насилии.Жена, узнавшая об изменах мужа, разрабатывает план идеальной мести.Но что делать, если желание быть идеальной выходит из-под контроля? Если это уже не мелочь, а принцип жизни?Идеально: удалить информацию о наркоманском прошлом из интернетаИдеально: обернуть домашнее насилие на того, кто его применялИдеально: отомстить изменщику так, чтобы о нём больше никто и никогда не слышал.Да и вообще, смерть - это идеальный финал для многих историй, верно?Лауреат премии "Мастера Ужасов"

© Матюхин А., 2026
© Автор, 2026

Александр Матюхин
Идеальность

Александр Матюхин
ИДЕАЛЬНОСТЬ
роман

Часть первая

19 октября 2019 г.
Вы знаете, как горит прошлое?

Я намереваюсь узнать. Сразу после похорон. Прости, мы были счастливы вместе, пусть и недолго.

Глава первая

Сегодня снова случилось так, что Лера бегала по лесу, вырывала себе ногти, чтобы избавиться от налипшей влажной грязи, и, стоя перед зеркалом в ванной комнате, сдирала с век наросты гноя.

При этом она тихонько напевала колыбельную, въевшуюся в подкорку сознания. Не могла остановиться:

— Только месяц не спит, тихо в окошко глядит…

Бубубу коготками боли по горлу и сквозь потрескавшиеся губы. Как избавиться от навязчивой мелодии, не подскажете?

В этом страшном сне ее схватили за запястье и мужской голос прошептал знакомое: «Валерия, милая моя, последний кадр, хорошо? Кричи изо всех сил, будто это самый лучший секс в твоей жизни. Мы договорились? Договорились? Не испорти ничего, пожалуйста».

А она знала, что испортит.

Проснулась, как обычно, резко и с надрывом, будто только что прыгнула с крыши и вот приземлилась в собственной кровати.

Умылась. Приготовила завтрак. Процессы, позволяющие существовать.

Кофе оказался чуть горьковатым. Овсяная каша, как всегда, переварилась и слиплась. Надо бы купить свежее молоко, но для этого придется выползать из дома. Лера не любила утро и патоку солнечного света, разъедающую глаза. Не любила людей. Предпочитала ночные покупки, сразу после рабочей смены. Ночью в магазинах пусто, тихо и не так ярко. Идеальное время, чтобы сойти с ума.

За чашкой кофе неторопливо листала старый потрепанный сонник, давно валяющийся на подоконнике (буква «О», страницы сто девяносто девятая — двести пятнадцатая, непослушные жирные листики, которые сложно быстро листать). Завибрировал телефон.

По утрам ей звонила только мама. Маме скоро исполнялось шестьдесят три, ее мучила бессонница, по ночам она вязала и смотрела бесконечные новости, а часов в семь набирала номер младшей дочери, чтобы пересказать последние события, творящиеся в мире. Теракты, происшествия, визиты одних президентов к другим, результаты футбольных матчей, кассовые сборы очередного супергеройского фильма — менялись имена и цифры, но не суть новостных лент. Очень редко она звонила по другим причинам: просила помириться с папой (не будет этого никогда!) Или жаловалась, что среди ночи к ее дому снова приходила Настя и заглядывала в окна. От Насти спасали молитвы и святая вода (а еще таблетки, но мама пила их редко, потому что не доверяла современной медицине).

Лера взяла трубку, прислонила к плечу ухом:

— Доброе утро.

За окном накрапывал октябрьский дождь — прекрасная погода, гармонирующая с Лериным настроением.

— Какое же доброе… — Голос у мамы был тихий, сбивчивый, непривычный. — Ты новости еще не смотрела?

— У меня нет телевизора, мам.

— А интернет? Ты новости в интернете не читаешь? Посмотри скорее…

— Что-то случилось? — Лера отложила сонник, загнув уголок страницы на нужном месте. Выдохнула: — С папой?..

Почему-то каждую неприятную новость она ассоциировала с отцом. Казалось бы, не общались толком много лет, но случись что — мысли сразу сворачивали к нему. Глыба семьи, центр притяжения, иначе никак.

— С папой все в порядке… — пробормотала мама. — Денис умер.

Она замолчала, видимо, ожидая, что Лера как-нибудь отреагирует. А Лера не могла отреагировать. У нее перехватило дыхание.

— Денис, который муж твоей сестры, — подытожила мама. — Представляешь? Тридцать четыре года. Молодой еще совсем. Вот уж не ожидала. Здоровый был, бегал, качался, что там еще? Никогда бы не подумала, чтобы… Бедная Ната. Счастливая семья, и тут вдруг раз, и… Вы, конечно, мало общались… Но ты знаешь, я должна была позвонить, одна семья все же, близкие люди…

— Мам… — Лера поняла, что сейчас начнет тараторить, как всегда, и поспешно прикусила губу. — Я позже перезвоню. Мне надо посмотреть в новостях, хорошо? А у меня с телефона… Мне надо отключиться. Я позже, обещаю. Не обижайся. Позже наберу.

— Как же так… — сказала мама негромко, будто не слышала. — Бедная девочка, такое горе. Что же за проклятие такое на вас, доченьки мои…

Лера оборвала связь. Сон в руку, как ни банально. Иногда жизнь вообще очень предсказуема.

Полезла в интернет. Прочитала новость, однотипно мелькающую в лентах местных новостных агрегаторов.

Сухо и кратко: Денис Попов, тридцать четыре года, предприниматель, найден мертвым утром в двух кварталах от своего дома. Следов насильственной смерти не обнаружено.

Денис вышел утром из дома, одетый в шорты и футболку. Еще не взошло солнце, было серо и по-осеннему тоскливо. Как говорится, в такую погоду бегают только отъявленные негодяи и «зожники». И вот он бежал, делал паузы, переходил на шаг, снова бежал, сверялся с трекером на запястье — модным японским дорогим трекером, который отмерял пульс, считал километраж, подгружал маршрут, а еще подавал сигналы, когда следовало отдохнуть или выпить воды, и даже советовал, как часто надо дышать. Модная штука, которая не умела одного — предсказывать сердечный приступ.

А потом Денис упал в двух кварталах от дома и умер. Дождь капал ему на лицо, попадал в глаза и на губы. Или, может, Денис лежал на животе и капли стучали по его затылку. Надо бы найти фотографии, сохранить на флешку, оставить закладки на память, на будущее.

Лера моргнула и поняла, что сидит без движения уже несколько минут. Занемела рука, держащая кружку с кофе на полпути ко рту. Под кожей бегали болезненные мурашки.

Второй рукой Лера неосознанно брала из сахарницы кубики рафинада и складывала их пирамидкой на краю стола. Наверняка для того, чтобы потом убрать в карман халата, как делала много лет назад, еще до лечения в психоневрологическом диспансере.

Чертыхнулась. Отставила кружку и сделала несколько кругов по кухне.

Это как же — умер? Денис, здоровяк и спортсмен, рубаха-парень, жизнерадостный и пробивной, целеустремленный, общительный… Сколько там еще хороших эпитетов она могла накидать?.. Нежный, ласковый, тихий, мягкий, близкий.

Бесконечно близкий.

…Лера выплакалась минут за десять. Достала пузырек успокаивающего, высыпала три пилюли (по рецепту положено принимать одну в день, но сейчас-то какая разница?), проглотила, запив остывающим кофе. Взяла со стола пару кубиков сахара и как есть, в ночном халате и тапочках, вышла из квартиры.

В старом подъезде на всех этажах воняло мочой. Сквозь замызганные, покрытые паутиной окошки на лестничных пролетах тянуло холодом. Кто-то привязал к батарее около почтовых ящиков велосипед, и у этого велосипеда уже не было переднего колеса.

Лера вышла на улицу, под осенний ветер и накрапывающий дождь. Лето боролось с осенью, упорно отстаивая периметр. Впрочем, бой оно уже проиграло. Вокруг шумели деревья, район был хорошо засажен еще с конца прошлого века — панельные пятиэтажки летом тонули в зелени, а сейчас оказались завалены гниющими листьями. Через дорогу раскинулась небольшая и неухоженная парковая зона, где чуть ли не раз в месяц находили очередного окочурившегося наркомана. В этой же парковой зоне, ближе к обочине дороги, выстроились ларьки с шаурмой, сигаретами, газетами. Она направилась туда.

Знакомый продавец дал ей в долг пачку сигарет и зажигалку. Лера тут же закурила, прикрыв глаза от краткого удовольствия. Попыталась понять, от чего ей прямо сейчас стало вдруг лучше: таблетки подействовали или никотин заставил выбросить очередную порцию дофамина? Возможно, и то и другое.

— Я в заднице, — сказала Лера самой себе.

В кармане завибрировал телефон. Она выудила его и увидела на экране лицо Дениса. Он улыбался на этой фотографии: уверенный, молодой, чуть небритый. В черных очках отражалась Лера — если приглядеться.

Номер был рабочий. Денис не звонил ей с домашнего, а рабочий телефон не приносил домой. Он оставлял его в машине. В багажнике. В аптечной коробке. В офисном портфеле.

А где лежал телефон сейчас?

Соединение.

— Алло?

В трубке молчали.

— Алло? — переспросила Лера, чувствуя, как холодеет в затылке. — Кто это? Ответьте. Это по работе? Алло?

Связь оборвалась. Лера несколько секунд разглядывала погасший экран, на котором распустилось несколько капель дождя.

Когда она перезвонила, телефон был уже отключен.

Глава вторая

В салоне было душно, но зябко. Не работал кондиционер. Зато жарил подогрев сидений.

— Я сдохну где-нибудь на обочине дороги, как настоящий контркультурщик, — сказал Пашка.

Он развалился на заднем сиденье автомобиля и, приоткрыв окно наполовину, курил. Судя по запаху — самокрутку с каким-то дорогим табаком. Пашка презирал сигареты, точно так же, как презирал готовый фарш, молотый кофе и презервативы. Про последнее Лера знала особенно хорошо.

Одет Пашка был в потертую камуфляжную форму со значками на груди («За любовь и верность», «Против войны», «Панки живы!»), с выцветшей георгиевской ленточкой, прико-

лотой к нагрудному кармашку. Пашка старательно поддерживал образ матерого, видавшего виды мужика, того самого, который ходил на медведя с голыми руками, отлично разбирался в оружии и ориентировании на местности, в общем, отлично подготовился к возможному апокалипсису. Образ ему шел. С оговорками.

Именно он, многолетний друг, вытряхнул Леру из тесной коробки квартиры, уговорив съездить на похороны. Лера не хотела, да и не понимала: зачем ехать? Для чего? Но Пашка (всеведущий человек!) привел довод: вы были настолько близкими, что он не простит, если не придешь. Впрочем, в загробную жизнь Пашка не верил, так что от его слов попахивало цинизмом.

Автомобиль тряхнуло на повороте, почти сразу пришлось объезжать перегородивший полдороги дряхлый ствол с гниющей шапкой листьев.

Лера вспомнила, что часто гуляла с Пашкой в лесу много лет назад. Почти сразу же после того, как выбралась из клиники и стала приучать себя жить обычной жизнью. Пашкина инициатива, кстати. Вправлять мозги и приводить в чувство он умел.

Каждую субботу в семь утра они выезжали из города в любую погоду, продирались сквозь тучи мошкары или отбивались от ветра. Тряслись от холода или изнывали от жары. Неизменно. Пашка называл эти походы «терапией» и терпеливо объяснял Лере нюансы прогулок по лесу, учил понимать местность, заставлял запоминать маршруты вокруг кооперативного поселка, где стоял дачный дом ее семьи, и не забывал напоминать, что это все ради ее же блага. «Чтобы вытащить из депрессии, понимаешь? Это лучше, чем сидеть без дела и пялиться в монитор». Пашка, как всегда, был прав.

— Тут налево, мать, — произнес он.

Лера свернула, проехала через небольшой пролесок. Справа растянулись железнодорожные пути. На кладбище можно было попасть только по этой грунтовой дороге, параллельно которой вилась вытоптанная сотнями ног тропинка.

Почти сразу за пролеском дорога заканчивалась — тянулись две колеи примятой травы. Еще через сотню метров начиналась гравийная стоянка. Туда Лера и свернула.

— Автобуса еще нет, рановато, — сказал Пашка, щурясь от редких лучей солнца, пробившихся сквозь низкие серые облака. — Как думаешь, под дождь попадем?

Лера припарковалась и тоже закурила. За ночь уже высосала штук пятнадцать сигарет и выпила четыре чашки крепкого кофе. В пять утра забылась быстрым сном, когда не разобрать, где явь, а где грезы, потом проснулась со знакомым ощущением безнадеги. Такое уже случалось раньше, и довольно часто, но нынешнее ощущение было самым сильным за год или даже два. Хотелось наглотаться таблеток и уйти в сновидения навсегда. Спасаясь от щемящего чувства, она выскочила на улицу и наворачивала километры на машине вокруг дома, пока не рассвело. Потом дозвонилась Паше и вывалила на него столько информации, сколько не вываливала, наверное, никогда. Он, стоит отдать ему должное, соображал быстро, втолковывал уверенно и как-то незаметно продавил ехать на похороны. Без него Лера бы не поехала.

— Я сильно влипла? — спросила она, поглядывая на Пашку в зеркало заднего вида.

О, эта спасительная привычка делиться с другом проблемами!

Он пожал плечами:

— Трахалась с мужем старшей сестры, с кем не бывает. Я не мастер утешать или вправлять мозги, да? Но я тебя хорошо знаю. После того, что случилось, трахайся с кем хочешь — никто не осудит.

Он имел в виду наркотики, депрессию, алкогольную зависимость, съемки в порно — длинный вонючий шлейф, тянущийся с две тысячи девятого года.

— Мне позвонили вчера с его рабочего телефона. Молчали в трубку.

Пашка неопределенно хмыкнул.

— Думаю, Ната в курсе. Если не знала раньше, то знает сейчас, — продолжила Лера. — А я приперлась на его похороны. Ты не представляешь, что у меня сейчас в голове.

— Упаси боже представить, — сказал Пашка. — Ты как каучуковый мячик, который бросили в комнату, полную стеклянной посуды. Я даже не знаю, жалеть тебя или нет.

— Не надо жалеть. Зачем ты меня вообще уговорил приехать?

Пашка пустил дым носом.

— Потому что вы родственники. Не скажу, что вы дружно и тесно общались, но есть такой странный парадокс в этом мире: смерть объединяет и уравнивает. Сечешь, о чем я? Когда ты валялась в клинике после смерти ребенка и нервного срыва, сестры приезжали к тебе. Когда Вика вляпалась в ту неприятную историю с мужем — вы тоже помогали. Все закономерно. Круговорот родственников в природе.

— У тебя самокрутка с коноплей?

— Нет. Просто немного выпил перед рассветом. Не думал, что ты позвонишь. Но суть проста: как бы кто себя ни вел, на кладбище все едины. Скорбь и слезы на лицах, неторопливые движения, мысли о смерти. Вон, смотри, первые похоронные ласточки.

Он кивнул в сторону тропинки. Из-за кустарника показалась пешая процессия — несколько пожилых людей, одетых в черное, элегантное. Дальние родственники Дениса или вроде того.

— Они печальны, потому что прожили долгую жизнь и понимают, что смерть близка. А чьи-то похороны — это еще один кирпич в их дороге на ту сторону.

— Ты меня вгонишь в еще больший стресс.

— Моя дорогая, стресс — это реакция организма на что-то новое. Так что переживешь.

— Уж поверь, я постараюсь.

Лера вышла из салона во влажную духоту осеннего утра. Свет был рассеянный, тяжелый, от него болели глаза. Ощущалось скорое начало грозы. Пожилые люди — две бабушки и дедушка — помахали ей. Она ответила.

Невыносимо захотелось уехать. Как поведет себя Ната? Как поведет себя сама Лера, когда увидит Дениса в гробу?

В ее воспоминаниях он застыл на пороге квартиры, посылая привычный, почти традиционный воздушный поцелуй на прощание. Кто же знал, что они действительно видятся в последний раз?

Пашка тоже выбрался на улицу, тяжело дыша, не выпуская из пухлых губ самокрутку. Когда-то он был «качком», мечтой всех девчонок из местного юридического института, холеным парнем с модной стрижкой, умным и начитанным — на коне! Сейчас он мог соблазнять разве что библиотекарш. У него появилось пивное брюшко, нависающее над портупеей, постоянно краснели щеки, была одышка, а еще из горла то и дело вырывался хриплый кашель, как у туберкулезника. Острый ум, конечно, остался. Но кто его ценит в современном обществе?

— Напомни: когда ты забросил тренировки? — спросила Лера.

— Как только понял, что смысл жизни в другом. А ты все еще бегаешь по утрам?

— Иногда надоедает. Но стараюсь держать себя в тонусе.

— Смотри! Главная процессия.

Из пролеска, громыхая, выкатил зеленый глазастый «ПАЗ». Следом за ним еще несколько машин. Лера увидела черный «Лексус» Дениса. Формально он принадлежал жене, но Денис любил хвалиться, что куплен автомобиль на его деньги. Теперь вот жизнь расставила все по местам.

«ПАЗ» с хрустом заехал на гравий, сделал полукруг, остановился боком к сторожке. Сразу началась какая-то размеренная, неторопливая суета. Из автомобилей высыпались люди — все в черном, траурном. Рабочие вытаскивали гроб, кто-то выудил из автобуса стулья и понес их за забор с колючей проволокой, лавируя среди надгробных плит и крестов. Кто-то

стал вынимать пластиковые букеты и венки, развевающиеся ленты с надписями. Похороны всегда чем-то напоминают свадьбы. Только никто никуда не торопится.

Лера, вытянув шею, пыталась разглядеть лицо Дениса. А затем увидела Нату и отца.

Ната была в строгом темном платье, в темных же очках и в перчатках. Выглядела изящно, как будто приехала сниматься в кино.

«Макияж подбирала полночи, — подумала Лера отстраненно. — Чтобы выглядеть идеально».

Ната медленно повернулась к ней. Острый подбородок, тонкие губки, откорректированный замечательный носик. Лера взмахнула рукой, улыбнулась, хотя тут же поняла, настолько глупо и нелогично выглядят и взмах, и улыбка. Ната не отреагировала. Просто смотрела сквозь черные стекла очков, похожие на две ямы, заполненные грязью.

Конечно, это она звонила позавчера утром.

Ната знает, с кем Денис регулярно встречался. Она увидела переписки в социальных сетях и мессенджерах. Все эти «люблю», «когда встретимся», «соскучился». Фото, смайлики, копипасты… Денис не удалял истории из рабочего телефона, был слишком самоуверенным. Лера как-то пыталась его убедить, но Денис — о, непреклонный сердцеед! — отшутился и убедил ее, вечную паникершу, дующую на воду, что все будет в порядке.

В копчике зародилась ноющая боль, перекинулась на позвоночник и стремительно взобралась к затылку. Лера отвернулась, не выдержав. Затряслись кисти рук — так всегда случалось, когда она нервничала. Подступающие приступы паники.

— Пойдем, — сказал Пашка. — Надо поздороваться и выразить скорбь.

— Я… не могу. Я не пойду. Посижу здесь, хорошо? — Лера открыла дверь автомобиля.

— Это неправильно, даже если будет тяжело.

— Ты не понимаешь.

Мимо Леры шли люди, которых вдруг оказалось невероятно много. Рядом внезапно очутилась младшая сестра Вика, худенькая, скуластая, с длинным носом, как у всех в их семье. Года два они не виделись точно. Еще одна оборванная родственная связь.

— Привет, сестрица, — сказала Вика, положив ладонь с тонкими пальцами Лере на плечо. — Грустно, не правда ли? Теперь мы снова втроем и без мужей. Как в старые добрые времена.

— Твой хотя бы не умер! — брякнула Лера.

— Не знаю, что хуже, — ухмыльнулась Вика. — Зато последний жених до сих пор просится назад.

— А ты что?

Вика вздохнула, деликатно поджав губы:

— А я размышляю. Надо бы вернуть, конечно. Хотя бы ненадолго. Секса хочется нормального и еще домашнего тепла… Нате на самом деле повезло. Сколько они прожили вместе? Лет восемь, кажется. Не добрались до серьезного кризиса отношений. Самый сок — конфеты, цветы, трахались, наверное, как кролики. А потом раз! — и можно нового мужа искать, без хлопот и забот.

От нее разило алкоголем. Сестра пристрастилась к выпивке сразу после развода. Вроде бы где-то лечилась, но не особо успешно. Хотела ли вообще вылечиться? Может быть, и нет.

— Такой молодой, а уже проблемы с сердцем, — продолжила она задумчиво. — Странно это. Совсем о себе не заботился.

— Он занимался спортом.

— Тебе откуда знать, дорогая? Ты же у нас добровольный изгой. Вы сколько раз вообще виделись с Денисом? Он постоянно носился на свои корпоративные вечеринки, слеты, по командировкам. Вот и аукнулось. Много пил. При его работе иначе нельзя.

— Не знала, что он болел.

— Это потому, что тебя не было ни на одном семейном дачном ужине. Была бы — узнала.

Гроб уже занесли за забор. Вика отвлеклась, заторопилась:

— Мне пора, помогаю Нате справиться с горем. Не забывай, сестрица. Родственники все же.

За гробом шел папа — Василий Ильич. Он нес деревянный крест, неловко удерживая его на вытянутых руках, будто не знал, как лучше взяться. Выглядел папа нелепо, потому что оделся по форме, как положено, а вот офицерскую фуражку повернул козырьком влево, не застегнул пару верхних пуговиц рубашки и ещё закатал рукава, будто собирался сам браться за лопату и копать могилу. Видно было, что папа растерян, обстановка ему непривычна и как себя вести в данной ситуации, он попросту не знает. За ним вприпрыжку торопились двое подчиненных, то ли телохранители, то ли просто помощники из воинской части. Тоже в военной форме и тоже растерянные.

«А ведь папа постарел», — подумала Лера.

То ли так случайно получалось, то ли кто-то специально организовывал, но каждый раз, когда Лера приезжала на дачу, там оказывалась только мама. Папа или улетал в командировку, или задерживался в городе на выходные, а то и вовсе отсутствовал без всякой причины. Впрочем, Лера не то, чтобы соскучилась. С отцом все было сложно, сложнее, чем с остальным в этой жизни.

Пашка за спиной неловко закашлялся. Лера обернулась и увидела сначала черные блестящие сапожки на шпильке — совсем не подходящая обувь для похорон, но зато идеально смотрящаяся на красивых ножках в чулках. Затем подняла взгляд выше, уперлась в черные стекла очков на носу старшей сестры.

— Сочувствую, — произнес Пашка глухим кашляющим басом и спрятал самокрутку за спиной. — Очень не вовремя. Очень.

Как будто смерть когда-нибудь приходила вовремя.

Ната кивнула, будто соглашаясь с Пашкиным сочувствием, повернула голову к Лере.

— И я тоже, — быстро сказала та. — Это чудовищно. Не знаю, как ты это пережила.

— Еще не пережила, — ответила Ната негромко. — И вряд ли когда-нибудь переживу. Денис был для меня всем. Богом. Центром Вселенной. Лучшим человеком на свете. Ты даже не представляешь.

Она несколько секунд смотрела на Леру, потом направилась к отцу, прямо шпильками по кладбищенской грязи.

— Я не могу, — повторила Лера. — Я не пойду туда. Это что-то невообразимое. Ужасно. Я не выдержу.

Боль впивалась в затылок, высасывая трезвые мысли. Одно накладывалось на другое. Страх, бессонница, нервы. Узелок стрессов, который затягивался все туже.

— Это твой шанс попрощаться, — сказал Пашка. — Я бы им воспользовался.

Лера дернула плечом:

— Ненавижу, когда ты прав.

Глава третья

Ее разбудила вибрация телефона.

Мгновение назад в грустной полудреме Лера завтракала с Денисом в кафе, но реальность стремительно вытесняла воспоминания.

«Мне надо худеть», — говорил Денис каждый раз, когда заказывал семь или восемь пончиков, а потом еще чизкейк, кофе с сиропом и маршмеллоу. Впрочем, Лера считала, что у него идеальное телосложение. Когда любишь человека, сложно замечать его недостатки.

Звонила мама. Полшестого утра.

Привычный старческий полушепот:

— Не спится… Как ты?

— Скверно.

Лера перевернулась на бок, поджав ноги и положив телефон под ухо на подушку. Не хотелось выбираться из-под одеяла. Под одеялом было тепло, а воздух в квартире стоял холодный, осенний.

Сон про Дениса не желал выветриваться. Вместе с ним из прошлого вернулось неуютное ощущение, давно забытое и вроде бы вылеченное: Лера захотела выйти в интернет и поискать кое-какую информацию.

— Как думаешь, — спросила она у мамы, — к чему снятся мертвые люди?

— Чтобы ты о них не забывала. Надо на могилку прийти, цветов принести… Жаль, у Насти не осталось могилки…

Мама смущенно замолчала. Лера чувствовала это смущение даже через расстояние. Чтобы как-то его развеять, она предложила:

— Я заеду, хорошо? Вот прямо в следующие свои выходные. Смену закончу, и пулей к тебе.

— Пирожков нажарю! — подхватила мама. — Все равно бессонница, делать нечего. Папа целыми днями в городе, Вика и Ната на дачу давно не заглядывают… Знаешь, чем я занимаюсь последнюю неделю? Ремонт затеяла в ваших комнатах. Помнишь, у тебя кровать была старая, скрипучая? Выкинула к чертовой матери. Зачем она?

Лера помнила. На той же кровати она в последний раз ночевала с полугодовалой дочерью. Эти воспоминания психолог настоятельно советовал изолировать. Настя умерла на рассвете, а «скорая помощь» ехала в загородный поселок почти два часа. Все это время Лера сидела у кровати, смотрела на сверток из простыней и пила чай с дешевым коньяком. Стакан за стаканом.

–…доченьки мои, такие милые… — бормотала мама. — Никак я вас не соберу вместе. Выросли и разлетелись. Совсем одна тут, никому не нужная. И Настенька иногда приходит, заглядывает. Смотрю на нее, на красавицу, и тебя вспоминаю.

Лера села на кровати, отпихнув одеяло. Бессмысленно прошлась по квартире: из кухни в комнату, потом в ванную, в коридор, обратно в кухню.

— Не заводи себя. Позвони папе, пусть приедет, перевезет обратно в город. Ну ее, эту дачу, одни дурные воспоминания.

— В такую рань папа еще спит. Все спят. Одни мы с тобой, жаворонки. Ты всегда рано просыпалась. В шесть утра — тебя уже нет. Умотала в лес, приключения искать.

Мама бормотала что-то еще, погрузившись в воспоминания с головой. Лера щелкнула кнопку чайника, и тот в ответ зашумел почти мгновенно, разодрав скопившуюся в квартире утреннюю тишину.

Вернувшееся ощущение неприятно пекло в груди. Лера взяла с подоконника сонник. Страница так и была загнута на букве «О». Надо бы поискать, к чему снится «Отчаяние».

— Смерть забирает лучших, — внезапно сказала мама. Лера вздрогнула. Ее мысли крутились вокруг Дениса. — Не буду больше докучать. Надоела, наверное, совсем. Пирожков напеку. Позвоню папе. Все как ты сказала. Хорошего дня. Не забывай.

Связь прервалась. Выговорившись, мама почти наверняка ляжет спать и проспит до обеда. Про пирожки она, конечно же, забудет. Да и про папу тоже. Чрезмерное употребление успокоительных делает дыры в памяти не хуже, чем пули в головах. Быстро и надежно.

Уж Лера была в этих вопросах экспертом. А еще по наркотикам, алкоголю и клинической депрессии, верно? Например, две тысячи девятый Лера помнила лишь эпизодическими лохматыми лоскутками. Тот год походил на решето — память заполнилась черными дырами, сквозь которые навечно слились воспоминания. Пропажа Насти — самая большая дыра. «Зачем Валерия Одинцова раскопала могилу собственной дочери? Куда она спрятала тело? А главное,

вспомнит ли она, что произошло и по каким причинам?» Ни на один из этих вопросов, блуждающих по интернету, не было найдено ответа. После двух лет в клинике, а потом еще трех лет реабилитации черные дыры не стали меньше. Они просто отдалились. Таблетки и упорные тренинги позволили думать, что прошлое осталось в прошлом, а старая Лера заперта где-то возле поджелудочной.

Пузырька «Ревинола» в аптечке не оказалось, хотя Лера помнила, что покупала его две недели назад, после планового посещения психотерапевта. В тумбочке в ванной тоже не было. На кухне, за банками с крупами, Лера нашла пузырек, на дне которого лежали две фиолетовые капсулы. Кто вообще придумал разукрашивать успокоительные таблетки в фиолетовый цвет?

«Ревинол» помогал от целого букета «проблем с головой». Он входил в обязательный и постоянный перечень принимаемых лекарств, прописанных Лере. «Таблетка от всего». Почти как «Арбидол», только дороже.

Капсула уплыла по пищеводу вместе с выпитым стаканом холодной воды. Лера накинула на обнаженное тело махровый халат, надела кроссовки и выскользнула на улицу, купить сигарет. Предыдущая пачка испарилась меньше чем за сутки.

В воздухе стоял туман, мелкими каплями оседающий на щеках и губах. Серое утро пузырилось пятнами фонарного света. Улица оказалась забита машинами. Лера вспомнила, что сегодня понедельник, рабочий день, а значит, жители Митина с утра пораньше в едином порыве отправились на любимые работы.

— Отлично выглядите, — сказал старый таджик, протянув пачку сигарет из недр киоска.

Будто все остальное время она выглядела неважно.

— Спасибо, — ответила Лера, тут же достала сигарету и быстро закурила. — Вы тоже ничего.

— О, я как раз плохо. Неделю назад… это самое… инфаркт перенес. Внук меня в больницу отвез, иначе бы так и умер, на кухне. Сказали, не волноваться и не кушать жирного. Я, видишь, не кушаю. Один чай с молоком пью. Помогает, говорят.

Таджик расцвел в улыбке. Видимо, он был бесконечно рад, что не умер на кухне, а продолжает продавать сигареты девушкам в халатах.

— И все равно вы в хорошей форме! Чай, конечно, помогает, но лучше еще раз к врачу загляните. Чтобы наверняка.

— Так и сделаю. Так и сделаю! — кивнул таджик.

Понятно было, что ни к какому врачу он не заглянет. Люди вообще беспечные существа. Находят миллион причин, пока проблема не возьмет за горло. Лера знала не понаслышке.

Сколько раз ее уговаривали обратиться к специалистам? Тысячу. Сколько раз она прислушалась? Правильный ответ — ни одного. Нужен человек, который поступит против твоей воли, но для твоего же блага. У Леры такой человек нашелся — Пашка. У таджика нет… А у Дениса?

Она медленно пошла вдоль дороги, не чувствуя холода, облизывающего обнаженные ноги. Короткий и очевидный вопрос вдруг всплыл в голове, напомнил о себе.

Почему Денис ни разу не говорил ей о проблемах с сердцем?

Он был откровенен во многих вещах. Господи, да он делился подробностями о том, что вытворяла Ната в постели! Про ее «правила секса», почерпнутые из какого-то онлайн-тренинга. А про собственное сердце не упомянул ни разу. Пробежки, физические нагрузки, вредная пища — все это не прекращалось, хотя, казалось бы…

Знал ли он вообще, что болен?

— Чушь какая-то! — буркнула Лера.

Снова промелькнула мысль, что надо бы поискать кое-какую информацию в интернете. Все, что связано с сердечными заболеваниями. Противопоказания, диагностика, консультации. Сохранить на флешку. Спрятать. Чтобы не забыть.

Одним из побочных эффектов нервного срыва в две тысячи десятом стало эпизодическое обсессивно-компульсивное расстройство. Лера боялась пропустить или забыть информацию. Она сама не знала, что именно ей нужно, но тревога возникала каждый раз, когда Лера оставалась без интернета. Казалось, что-то необходимое проскочило мимо нее в виде заметки на каком-нибудь сайте, в ролике на ютубе, в твите неизвестного человека. Ей требовалось срочно зайти в интернет и сохранить что-то… неважно что… сохранить, скопировать на флешку, а флешку спрятать, чтобы никто не добрался до сокровища, которым она теперь обладала.

Тревога вылилась в полную коробку флешек, где осели гигабайты сохраненных страниц, скриншотов, ссылок, скачанных видео и картинок, никак не связанных между собой. Заполнив флешку, Лера тут же переставала интересоваться ее содержимым. Тревога унималась, когда на флешку нельзя было больше ничего сбросить, но через месяц-два возвращалась вместе с бессонными ночами, литрами кофе, сигаретами и бесконечным серфингом по сайтам.

Лера так и не поняла до конца, как же ей удалось справиться с расстройством — при помощи таблеток или из-за Пашки, который устроил двухнедельное путешествие без интернета. О, это была сложная и прекрасная пора, необходимая им обоим...

До квартиры она добралась в сладостном возбуждении. Не сопротивлялась ему. Пашки не было рядом. Он не удержал. Тут же уселась за ноутбук, принялась гуглить, искать ссылки и страницы. Оторвалась для того, чтобы заварить кофе. Взяла кубик рафинада, раскрошила ногтями. Болели глаза, а еще ужасно хотелось покопаться в шкафчике в туалете и среди разного старого хлама разыскать картонную коробку из-под новогодних гирлянд. Ту самую коробку с кошмарами, которую Лера должна была выбросить несколько лет назад в рамках курса психотерапии (избавление от прошлого), но не смогла и спрятала.

Правильно говорят: психические болезни невозможно вылечить навсегда. Мозг, хитрый засранец, оставляет запасные пути, по которым можно вернуться обратно. Черные дыры в сознании не затягиваются. Вскрыть их — плевое дело. Нужно только захотеть.

Лера сдержалась, но пришлось выпить две чашки кофе. В затылке болело. Это Лера из прошлого напомнила о себе.

К часу дня количество закладок в браузере оказалось столь велико, что новые открытые страницы стали подтормаживать. Крошки сахара прилипали к запястьям. Лера чувствовала, что на верном пути. Иначе ведь и быть не могло.

Откинувшись на спинке стула, она читала статью о сердечно-сосудистых заболеваниях. Отличная статья. Надо сохранить. Еще одну из десятка сохраненных за последний час.

Денис мог бы выжить, если бы вовремя прочитал вот это вот все.

Но почему он не интересовался этим? Умный, любознательный, заботящийся о собственном здоровье — и ни разу не упомянул про болезнь сердца? Как такое может быть?

Скверная мысль крутилась в голове. Вытряхнуть бы ее.

Лера обнаружила, что курит предпоследнюю сигарету из купленной пачки. Часы показывали половину четвертого. За окном бесшумно лил дождь. День проскользнул мимо сознания и клонился к вечеру. Осенью темнеет рано.

На коленях лежала коробка с кошмарами. Надпись на картонной крышке: «Не открывай!» — как предупреждение для Леры из прошлого, которая не успела забыть, что происходило с ее сознанием много лет назад.

Нынешняя Лера уже почти забыла.

«Не открывай!» — раньше эта надпись обжигала взгляд, а сейчас казалась какой-то наивной. Буковка «Й» завалилась набок. Восклицательный знак жирно обведен несколько раз. Кто-то (Лера из прошлого) сильно нервничал тогда. Верил, что надпись обладает некой магической силой и остановит всякого, сюда сующегося.

Лера из настоящего сбросила крышку на пол и обнаружила флешки. Память подсказала: ровно сорок две штуки. Гигабайты информации. Ее собственный «Эльдорадо». Кого-то сделает богатым, а кого-то окунет в пучину безумия.

— Но ведь сейчас я не больна, — сказала Лера, стряхивая пепел на стол возле ноутбука. Прозвучало не очень уверенно. — Я вылечилась, правда?

Она прислушалась к звукам в квартире. Казалось, где-то за стеной слишком громко бубнит телевизор. Капли дождя разбиваются о металлический козырек. Похрустывает жесткий диск. Ему требуется передышка. Как и самой Лере, разумеется.

— Почему Денис не рассказал о проблемах с сердцем? — Лера запустила пальцы в коробку, перебирая флешки. Они были разных размеров и цветов, разного объема. Разные на уровне воспоминаний и ощущений. До каких-то было страшно дотрагиваться, какие-то вызывали теплые чувства. Все были живые, родные, знакомые.

Как же давно она не касалась их!

— Какие еще у него могли быть от меня секреты?

В голове пульсировала еще одна слабая мысль: «Ревинол» не помогает.

Смерть Дениса, похороны, звонок, воспоминания — стресс был настолько силен, что одной фиолетовой капсулы не хватило. Организм запустил защитные механизмы по полной.

Лера скользнула взглядом по горке раскрошенного сахара вперемешку с пеплом. Пошла на кухню. В пояснице болезненно закололо. Сколько же она просидела без движения?

На кухонном столе валялись сигареты вперемешку с клочками разодранной сигаретной пачки. Лера не помнила, когда это сделала. Зато вспомнила яркое слово, означающее ее состояние: «приход».

Последняя капсула «Ревинола» лежала на блюдечке у раковины. Две штуки в день — это передозировка, но кто думает о последствиях, когда хочет избавиться от гнетущего состояния? Лера проглотила капсулу, запила водой, закрыла глаза.

Она почти физически ощущала собственные мысли, похожие на взбесившихся блох внутри черепной коробки. Перед глазами мельтешили белые пятнышки. Приход случился неожиданно, и Лера надеялась, что он быстро пройдет.

Нужно собираться на работу, а нет ничего лучше для проветривания мозгов, чем монотонное заполнение бумажек в тишине склада. Слава бюрократии.

Мысли слегка умерили беспорядочное мельтешение.

Прибраться, вычистить кухню, проветрить, вернуть коробку с флешками на место, выключить к чертовой матери ноутбук, предварительно закрыв все вкладки и очистив историю поиска. Чтобы не осталось зацепок, к которым можно вернуться даже мысленно. Вот что важно.

Лера из прошлого, спрятавшаяся внутри головы, задала еще один вопрос:

«А как же быть с Натой? Рано или поздно придется выяснять отношения».

— Может быть, и не придется. Нужно просто оставить все в прошлом.

«Снова будешь верить, что проблемы рассосутся сами собой? Кажется, ты так уже делала. Не помогло».

— Почему бы не попробовать еще раз?

Завибрировал телефон, выводя Леру из транса. Она вдруг осознала, что стоит посреди темной комнаты с сигаретой в руке и разговаривает сама с собой. Как в старые «добрые» времена.

Вторая капсула «Ревинола», когда же ты начнешь действовать, мать твою?!

Звонила Вика. Сестра не слишком часто радовала Леру звонками в последнее время.

— Привет еще раз, — сказала Вика в трубке. — Я тут подумала хорошенько. Действительно. Ната никогда не говорила про болезнь Дениса. И от него я тоже не слышала. Странно это все. А почему ты спрашивала?

— Ты о чем? — пробормотала Лера. Мысли снова вспорхнули, как испуганные воробьи с куста.

— Об аневризме. Ты спросила — откуда я знала, что он болен. Я попыталась вспомнить, ну и… Не вспомнила. Где-то в разговоре, наверное, упоминалось.

— Когда я спрашивала?

— Час назад. Лерчик, с тобой все хорошо?

— Заработалась просто. И ещё похороны эти. Вышибли из колеи. Так печально… Молодой совсем был. Я два дня хожу, думаю… Не знаю, почему.

— Мы все в шоке… — вздохнула Вика. — Такая счастливая пара, и тут вдруг — бац! Хочу заехать к Нате завтра после работы. Выпьем, пообщаемся по-сестрински. Ты с нами?

— Я всего лишь средняя, — вспомнила Лера шутку из детства.

Вика неопределенно хмыкнула.

— Смешно… Но ты подумай, если что. Родственная связь — самая крепкая. Вместе переживать беды легче.

Едва она положила трубку, Лера открыла меню вызовов. Мысли уже не просто порхали, а бились изнутри о стенки черепа. Сердце заколотилось. Подступила тошнота. Все, как положено во время панической атаки.

Час назад она звонила Вике. А потом — Нате. Звонок длился почти четыре минуты.

Черные дыры сожрали воспоминания.

Что это был за звонок, и о чем они разговаривали?

Лера села на край кровати, вертя в руках телефон. Потом набрала Пашку. Кусала губы, не замечая. Тошнота не отступала.

— Рад тебя слышать, — сказал Пашка. На заднем плане играла какая-то гитарная мелодия.

— Мне нужно, чтобы ты приехал. Срочно. У меня снова приход.

— Серьезный?

— Пока не знаю. Но, кажется, я уже наломала дров… И захвати что-нибудь крепкое. Виски, водку, что угодно.

— Хрен тебе, подруга! Держись. Скоро буду.

Она положила трубку и бросилась к туалету. Желудок выплеснул кофе, капсулу «Ревинола» и зеленоватую едкую желчь, полившуюся из носа. Глаза наполнились слезами. Лера села возле унитаза, растирая ладонями сопли.

Затылок продолжал болеть.

Глава четвертая

Пашка развалился на заднем сиденье такси и бегло редактировал видео.

Время поджимало, такси стояло в пробке, курить было нельзя — все эти мелкие неприятности походили на липкие щупальца осьминога, присосавшиеся к сознанию. Мысли сделались вязкими. От таких мыслей Пашка обычно избавлялся алкоголем, но сейчас даже выпить было нельзя.

А все потому, что именно сегодня требовалась ясность сознания. Ради Леры.

Они уже много лет вытаскивали друг друга с того света. Две соломинки — из одного, мать его, веника. Лера со своими приходами, и Пашка с навязчивой идеей влезть в какие-нибудь приключения. Что-то в этом было подсознательное и плохо контролируемое.

Они даже познакомились на эмоциональном изломе. Пашка в две тысячи девятом подрабатывал оператором в съемках порно. Очень модно было делать ролики «под домашнее видео» — чтобы дрожала камера, планы получались нечеткими и перекосившимися, изображение зернилось. Антураж, соответственно, тоже «тру-домашний»: старая квартира, обои в цветочек,

деревянные оконные рамы, между которыми застряли пожелтевшие кусочки ваты, ржавый чайник, грязный линолеум и ковер над кроватью. Носки на мужике во время секса — непременный атрибут.

Домашнее порно пользовалось бешеной популярностью. Пашке нравилось его снимать — хлопот в разы меньше, чем с профессиональной съемкой. Никаких тебе четких кадров или планов, со светом заморачиваться не надо, поставил две камеры в нужных местах — и тупи в телефоне, пока люди на скрипучей кровати дубли отрабатывают.

В одной из таких квартир он и встретил Леру. Она сидела на табуретке у окна в кухне, курила, стряхивала пепел в рюмку с водой. Обнаженная и вспотевшая. Очень красивая. Волосы растрепаны, тушь размазалась под глазами, фиолетовые разводы коснулись носа и щек. Мелкая совсем, лет восемнадцать, не больше. При этом сильно пьяная, Пашка сразу определил. Возможно, под наркотой.

Увидев его, Лера улыбнулась.

— Последний раз снимаюсь, — сказала она, будто оправдываясь. — Надо завязывать и взрослеть. Появилась ответственность, понимаешь? Хочу выйти из бизнеса и вылечиться.

Он прекрасно помнил чувство стыда и неловкости от всей этой сцены. Лера была худенькая, костлявая, все у нее казалось каким-то угловатым и торчащим: скулы, коленки, локти, маленькие груди, нос. Но при этом она источала столь бешеную сексуальность, что сложно было удержаться и не разглядывать ее, представляя… всякое.

— Давно снимаешься? — спросил Пашка, закуривая, чтобы отвлечься.

Лера шевельнула плечом:

— Где-то год. А ты давно такой извращенец?

Он хотел ответить, что не извращенец, а просто подрабатывает по совету друга. Лишние деньги никогда не помешают. Но почему-то осекся. Лера докурила сигарету и тут же закурила следующую.

— Меня надо спасти, — произнесла она, стряхивая пот с груди. — Иначе сдохну. Поможешь?

Автомобиль дернуло, водитель выругался, буркнул через плечо:

— Извини, брат, задержимся немного. Какие-то козлы не разъехались на перекрестке.

— Ничего страшного, — ответил Пашка, склонившись над планшетом. Попытался сосредоточиться.

Десять лет прошло, а он как был извращенцем, так и остался. На планшете был открыт видеоредактор. Из многочисленных кусочков требовалось склеить получасовое «домашнее видео». Свежак, снятый минувшей ночью в Питере. Технологии развивались, интернет захватил мир, стриминговые сервисы ломали привычные схемы продаж, картинка потокового видео достигла «4к Ultra», а зритель все так же требовал ковра на стене, мужских носков и полной иллюзии съемки на домашнюю камеру. Приходилось соответствовать.

Пашка давно не снимал сам, а только монтировал. Лера отговорила. Он до сих пор не очень понимал, зачем возится с монтажом порно, ведь не так уж сложно найти нормальную работу с нормальным доходом, но, наверное, ответ был прост. Ему нравилось.

Женщина за тридцать пять и мужчина за сорок (оба профессиональные актеры, если можно так выразиться) сняли порно на собственные телефоны, разыгрывая пару в отпуске. Порнодраматургия требовала разогнать сюжет от обычной прогулки по центру Питера (Дом Книги, Казанский собор, Зимний дворец, уютное кафе где-нибудь на Невском), до секса в гостиничном номере (с видом на Исаакиевский собор, естественно). Пара не ограничивалась банальными любовными утехами, а имела в арсенале несколько эротических игрушек, разные причуды для анального секса и набор мелких извращений. В общем, ролик должен был затрагивать желания различных слоев населения.

К обеду нужно было смонтировать и выложить на сервисы, закинуть описание для маркетологов и разослать ролик пиарщикам. Индустрия работала отлаженно.

Следующие десять минут он старательно монтировал, перемешивая крупные планы вспотевших лиц с крупными планами эрегированного члена и женских губ. Такси наконец вырвалось из пробки, юркнуло в подворотни Митина. С обеих сторон потянулись старые панельные дома, прячущиеся за заборами заводики и частные коттеджи, автозаправки и супермаркеты.

Еще через пять минут таксист остановился у знакомого подъезда.

— Извини, брат, — повторил он. — Слегка задержались. Сам видел, что на дорогах творится.

Пашка был не в обиде, даже накинул, по обыкновению, чаевые. Первым делом, выбравшись из такси, закурил. Прошел под козырек подъезда и докуривал неторопливо, поглядывая на деревья и прохожих. Бесконечный дождь к вечеру слегка утих. Тучи кое-где расползлись, обнажая кляксы неба, окрашенного в сочные алые тона.

Собрался с мыслями, нажал истертые и знакомые цифры домофона и вошел в подъезд.

Ностальгия, чтоб ее. Отвратительное желание оказаться в хорошем, светлом и таком далеком прошлом. Ностальгия парадоксально позитивна. Она похожа на жизнерадостного щенка, которого подарили в детстве, — щенок этот лижет щеки, тыкается мокрым носом в ладони, виляет хвостом и просто дарит радость. У ностальгии нет продолжения, кроме мига счастья. Ностальгия подбрасывает эмоции, от которых было хорошо. Самое ужасное — рано или поздно наступает понимание, что миг этот давно испарился, а за ним наступает нечто обыденное и уже не такое счастливое. Например, старость.

На пятый этаж Пашка поднялся без лифта. Подошел к двери с номером «146», постучал по металлу согнутым пальцем. Дверь приоткрылась почти бесшумно, дыхнуло горячим и вязким воздухом. Много лет назад Лера во время приходов неосознанно выкручивала батареи на максимум, закрывала окна и бродила по квартире в нижнем белье. Хоть что-то в жизни не меняется.

В образовавшуюся щель высунулось вспотевшее Лерино лицо. Волосы прилипли ко лбу, встопорщились вокруг ушей, а на затылке были скручены и перетянуты разноцветными резинками. Он снова вспомнил первое знакомство. Лера выглядела так же — безобразно-сексуально. Притягательно, но отталкивающе. Разжигала в Пашке страсть, которой он боялся.

Они ведь ни разу не занимались сексом. Жили вместе несколько лет, но дальше дружеских поцелуев не заходили. Почему? Никто не сделал первый шаг, вот почему. Оба боялись, что разрушат хрупкое равновесие, которое очень долго и очень сложно возводили.

— Заходи… — буркнула Лера, пропуская в темный коридор.

— Оденься! — попросил Пашка. Она стояла в одних трусиках.

— Ой, да… Блин! Прости.

Лера метнулась из коридора в комнату. Пашка медленно разулся, снял куртку.

Квартиру оккупировал сигаретный дым.

Первым делом — проветрить. Пошел на кухню, распахнул окно, впуская холодный ветер, дождь и шум вечерней улицы. Ностальгия намекнула: в кухне ничего не изменилось за много лет. Даже деревянные рамы никто не заменил на стеклопакеты. Стол был усеян белым порошком. Пашка приложил палец, почувствовал легкое похрустывание, заметил смятую пачку из-под сахара-рафинада на подоконнике. Старый Лерин невроз. Кто-то рвет бумажки, чтобы успокоиться, кто-то грызет ногти, а Лера крошит кубики сахара. Не самое страшное занятие, если разобраться.

И когда она успела снова рухнуть в нервное расстройство? Несколько дней назад на похоронах Дениса смотрелась вполне себе адекватно. Выдержала тягомотину с прощанием, постояла среди родственников у могилы, не плакала, когда гроб быстро забросали землей. Чуть

позже, в роскошном и дорогом ресторане (за поминки отвечал Василий Ильич, а уж он-то постарался), Лера ничем не отличалась от сестер. Держалась стойко. С Натой старалась не пересекаться даже взглядом. Это Пашка хорошо подметил. Впору было отдышаться, успокоиться и продолжить кое-как жить, зализывая очередные раны, поверх старых. Но нет. Что-то в ее мозгах снова закоротило…

— У меня несколько вопросов, — раздался голос из-за спины. Лера стояла в дверях кухни. Накинула рубашку и натянула фиолетовые гольфы. Волосы собрала в хвост на затылке. Хоть на человека стала похожа. — Денис умер в результате болезни сердца. Аневризма, знаешь такое? Подробностей мне, конечно, никто не расскажет. Я краем уха слышала на похоронах. Теперь ищу информацию. Что у него была за форма аневризмы? Почему раньше никто не замечал? Проходил ли обследования? Интернет творит чудеса. Реально в любую дырку пролезть можно. Должны быть пути. Так вот, Денис мне ни разу не говорил о том, что у него больное сердце. А мы встречались минимум два раза в неделю. По утрам. Иногда по вечерам. Один раз он прожил у меня неделю, пока Ната была в командировке. И ни слова о болезни. Почему? И еще...

Пашка подошел в два шага, взял Леру за плечи, прервав нервный, заикающийся монолог.

— Таблетки принимала?

— Только пару капсул «Ревинола». Мне положено.

— Пила? Нюхала? Что-нибудь?

— Паш, все в порядке. Это легкий приход. Справляюсь. Просто нужно кое-что выяснить. Подозрительно это все.

Она высвободилась. Глаза бегают туда-сюда, взгляд ощупывает пространство. Кончики длинных пальцев дрожат. Быстрое дыхание.

— Ага. Справляешься. — Пашка кивнул на стол, усыпанный сахаром. — Я вижу. Пойдем-ка в комнату.

Открытый ноутбук валялся на кровати, высвечивая потолок белым прямоугольником. Закладок в браузере было столько, что верхнее меню походило на ежа. Свет в комнате не горел.

— Мне нужна информация об аневризме, — продолжила Лера, шумно выдохнув. — Я же говорю, подозрительно это все, понимаешь? Есть вопросы. Там существует скрытая форма, симптомов почти не бывает, но Денис ходил к врачам. Один раз точно, когда у него слегка онемели рука и плечо. Он мне рассказывал. Потом как-то забылось. Почему?

Вокруг ноутбука валялись флешки. Еще один очень нехороший признак.

Пашка быстро открыл окна. Потом взял Леру за плечи, усадил на стул. Лера не сопротивлялась, обмякла, и только бегающие глаза обнажали внутреннее напряжение.

— Значит, так, — начал он, поднимая с пола пустую коробку. — Мы это уже проходили, да? Первое: я сейчас отключу все устройства и заберу с собой. Флешки тоже. Ни к чему они тебе. Посидишь пару дней без ноутбука и интернета. Ты же помнишь, как это полезно для здоровья? Бумажные книги, прогулки. Проветривание сознания. Терапия. Цифровой детокс. Если надо, поедем в лес, как раньше. Поживем неделю в палатках, рыбу будем удить, в реке купаться.

— Осенью, ага… — Лера поморщилась, но больше ничего говорить не стала.

Это хорошо. Раньше в самые острые периоды она могла уговаривать, просить, кричать, угрожать, выбегать из квартиры голышом.

Информационная зависимость — так это называется. На игле интернета сидят восемьдесят шесть процентов населения планеты. Только три процента способны избавиться от зависимости безболезненно. А еще у двадцати процентов зависимость переходит в острую стадию — а это психозы, нервные расстройства, бессонница, депрессии, ОКР. Полный набор.

— Второе, — спокойно продолжил Пашка. — Иди под душ и хорошенько помойся. Чтоб пробрало. Контрастный. Затем мы с тобой съедим чего-нибудь, выпьем чаю. Кофе и сигареты я тоже забираю.

— Мне не хочется кушать… — пискнула Лера.

— Знаю, — мягко ответил он. — Ты никогда не хочешь есть в таком состоянии. В последний раз потеряла почти двадцать килограммов за десять дней. Фото показать? Я сохранил. Для подобных случаев.

Лера покачала головой и вдруг, набрав побольше воздуха, затараторила вновь:

— А что, если Денис ничего не знал о болезни? Вдруг ему помогли умереть? Я думала о Нате. Она же позвонила мне в то утро, когда умер Денис. Зачем? И еще один вопрос! Дай мне задать еще один вопрос!

Пашка покачал головой:

— Сначала в душ. Поговорим после душа.

Он чувствовал, как ломает хрупкое психологическое сопротивление. Лера шевелила губами, будто ей сделалось сложно выдавить внятные звуки. Пашка обнял ее за плечи, помог дойти до ванной комнаты и, удостоверившись, что Лера застыла под струями теплой воды, вернулся на кухню.

Монтаж никто не отменял, а сроки горят. Никакого вдохновения, конечно же. Монтировалось, что называется, без души, торопливо и неровно. Вряд ли прыщавые зрители порносайтов заметят мелкие косяки и склейки, но Пашку такая халтура коробила неимоверно. Это как в старом анекдоте про фальшивые елочные игрушки.

— В общем, слушай вопрос, — сказала Лера, появившись из ванной. — Всего три дня прошло со дня смерти Дениса, а Ната удалила все его аккаунты и подчистила все фотографии с ним на своих страничках в социальных сетях. Вывесила только одно фото — со свадьбы, где они вдвоем. Очень красивое. Подписала: «Прости. Нам было идеально вместе». А больше фотографий нет.

— То есть как нет? А раньше были? — Пашка не отрывался от монтажа. Рыжеволосая милфа как раз расстегивала бюстгальтер.

— Да. Денис мне сам показывал несколько фото с ее страницы в социальной сети. А еще ответь: зачем блокировать страницы умершего мужа? Сразу же. Я погуглила, нельзя просто так удалить страницу. Нужно или быть ее хозяином, или обращаться в техподдержку и доказывать смерть человека. Сдается мне, Ната заходила из-под его аккаунта. И к чему такая скорость?

Она села на стул рядом, взяла из его рук планшет, быстро открыла браузер, пробежалась по адресам. Пашка не сопротивлялся. Стало любопытно, куда приведет Леру ее болезненная логика.

— Вот, смотри. Удалена. И эта удалена. Он был в друзьях у Вики. Теперь нет. Страница удалена пользователем. Как тебе? Ты когда-нибудь видел человека, который в спешном порядке удаляет страницы своего супруга? И еще одно. Я проверила мессенджеры, где мы переписывались. Все эти «соскучилась», «люблю», «скоро буду». Они пустые. Удалено все. Ната зашла с его телефона и зачистила вообще все беседы.

— Положим, я бы тоже удалил такое, — шевельнул плечом Пашка. — Может быть, она не в силах выдержать разлуку. Или еще что. У Наты свои странности.

— Или она мстит мне.

— Каким образом? И главное — зачем?

Впрочем, ответ на второй вопрос был очевиден.

— Удаляет человека из моей памяти. Кто-нибудь сейчас хранит фотографии? Не в телефоне или компьютере, а распечатанные на бумаге? Никто не хранит. Так же как не пишет бумажные письма, не шлет открытки. Понимаешь? Сейчас легко стереть память о человеке.

Удалить отовсюду. Нет альбома с фотографиями, который можно взять с полочки и пролистать, а значит, нет воспоминаний. Рано или поздно человек просто забудется.

— Очень необычная месть, — произнес Пашка негромко. — Даже если и правда. Но моя задача, знаешь, в другом. Тебе надо успокоиться, отвлечься и прийти в себя. Поэтому мы сейчас приготовим поесть. Корнишоны с йогуртом, блин. А потом я сделаю все, что сказал. Информационный карантин. Проверено.

— Возможно, я что-то наговорила ей, — сказала Лера. — Но не помню, что именно. Вижу звонок, время разговора. Дыра в голове. Ты прав. Надо остыть. Запишусь завтра к врачу, пусть даст новый рецепт. Не знаю, куда пропали эти проклятые капсулы… Успокоюсь. Ты же не дашь мне снова вляпаться во что-нибудь серьезное, правда?

Пашка вспомнил, как много раз сидел на этом же самом месте, за этим же самым столом, и обещал, что не даст Лере никуда вляпаться. А она вляпывалась с такой невероятной частотой, будто хотела непременно завязать с этой жизнью до двадцати. Пашка вытаскивал и снова обещал. Обещал и вытаскивал. Пока не случилось самое страшное, что вообще может случиться, — смерть ребенка.

— Доставай йогурты… — проворчал он. — Тостер еще работает? В прошлый раз жег ужасно. Давно пора новый купить. И сахар надо бы убрать, справишься? Я пока покурить. Обычные сигареты, не смейся. Посмотри, душ всегда идет тебе на пользу. Стало намного лучше. Намного лучше.

Глава пятая

Очередное пробуждение — как выныривание из холодной воды. На ресницах прилипшие капли, кожа в пупырышках, зубы выбивают дробь друг о дружку, хочется быстрее завернуться в полотенце — но полотенца нет, потому что реальность не помогает. И, если разобраться, никогда не помогала.

Лере вновь снился сон, где в высокой траве валялся раскрытый ноутбук.

«Тихо в окошко глядит…»

Рядом с ноутбуком на коленях стоял мужчина. На безымянном пальце его правой руки блестело обручальное кольцо. Одет мужчина был в спортивный костюм, в ушах торчали беспроводные наушники, а на запястье подмигивали голубыми циферками модные дорогие смартчасы. В какой-то момент он повернулся, и Лера узнала Дениса. Губы у него оказались синими и потрескавшимися, кожа — желтоватой. Все лицо усеяли мелкие капли дождя. В глазах, под веками, тоже была вода, из-за которой зрачки казались увеличенными, закрывали не только радужку, но и белок. Крылья носа блестели от влаги, а под ноздрями пузырились сопли.

— Пожалуйста, повернись к камере! — попросил Денис, не шевеля губами. — Покажи, на что способна. Смотри в камеру, это же прямой эфир. Тысяча человек смотрят на твое красивое тело прямо сейчас.

Она проснулась, размахивая руками, как заправский пловец. Запуталась в ворохе из одеяла, простыни и двух подушек. Едва не свалилась с кровати. Обнаружила, что содрала заусенец на указательном пальце, измазав кровью постельное белье.

В телефоне вибрировал будильник, поставленный на полдесятого утра. Очень хотелось курить, но Лера взяла с тумбочки пачку жвачки, забросила в рот две подушечки так, как показывают в рекламе, и побрела умываться.

Минувшая смена действительно отвлекла от тяжелых мыслей. Лера подумывала поменяться с коллегой и поработать без выходных в ночь всю неделю. Монотонная работа с накладными, отгрузочными, маршрутными и складскими листами хорошо вышибала из головы всю эту сопливо-влюбленную муть. О Денисе во время смены Лера почти не думала, некогда было.

От ночной усталости наваливалась приятная отупляющая тяжесть, хотелось только спать, и чтобы без сновидений.

Накатило только под утро, когда она в половину пятого бродила среди стеллажей круглосуточного супермаркета. Мимолетно подумала, что через пару часов могла бы выйти на пробежку, встретить Дениса, позавтракать с ним в кафе. Пончики и яичница. Потом они бы пошли к ней, занялись любовью (не сексом, а именно любовью, чувствуете разницу?), а потом проспали вместе чуть ли не до обеда. Она лежала бы в его объятиях, ощущала его дыхание и запах, слышала биение его сердца и была бы самой счастливой женщиной на свете.

Вот только никуда Лера не побежит и никого не встретит. Никогда.

О, снова это проклятое слово…

Она заварила чай, намотала на палец кусок пластыря, от которого пахло йодом, села на подоконнике на кухне и принялась бездумно листать сонник. Привычка, позволяющая прийти в себя по утрам.

В обед Лера планировала заехать к врачу за новым рецептом. Таблетки куда-то запропастились.

После обеда — генеральная уборка. Беспорядок расслаблял, в беспорядке и мысли делались такими же: хотелось бросить все к черту и больше не расставлять на полках книги, не мыть посуду, не готовить и даже не переодеваться. Опять же проходили. За два-три дня квартира-норка превращалась в захламленную пещеру, а Лера — в пещерного человека с букетом зависимостей и психозов. Поэтому должна быть чистота! Считайте это шаблонным, но эффективным девизом.

Вечером Лера хотела погулять и, может быть, сходить в кино. Пашка прав: лучший способ избавиться от стресса — отвлечься. Можно позвонить кому-нибудь. Старым подружкам. «Не обманывайся, у тебя их нет». Или, например, позвать с собой сестренку Вику. Как давно они вдвоем где-то гуляли?

Три года назад пару раз в неделю по утрам Лера запрыгивала в машину и мчалась к Викиному дому. Вика поджидала у подъезда, и вдвоем они ехали завтракать в ресторанчик на берегу реки. Какие в нем подавали круассаны! Какой там был кофе! Какой чудесный вид открывался из окон!

Неторопливо болтали час или два, будто забыв о суете, выпав из реальности, оставаясь теми самыми сестрами-подругами, которые пишут один дневничок на двоих, рисуют на его страницах цветы и мечтают о самом лучшем муже на свете. Даже после тяжелого развода, алкоголизма и лечения анорексии Вика верила, что непременно найдет того самого, единственного.

— Первый раз был пробный, — говорила она. — Как фальстарт в спринте. Теперь же я бегаю как надо. В первых рядах.

В две тысячи пятнадцатом у нее уже никого не было. В две тысячи девятнадцатом — еще никого.

Лера давно ей не звонила. Сестры должны поддерживать друг друга, не правда ли? Но они все равно отдалились, словно то, что их объединяло, осталось в детстве, растворилось в прошлом, а нынешняя жизнь пошла по другим правилам. Сначала прекратились совместные завтраки, потом переписки, а затем они перестали даже звонить друг другу. Так бывает.

От размышлений отвлек короткий звонок в дверь.

Первая мысль, тревожно вспорхнувшая в голове: это Ната. Стоит в коридоре — дорогое пальто, сапоги на каблуках, аккуратно уложенные волосы, темные очки, — подбирает слова, чтобы больнее ужалить. Ната никогда не лезла за словом в карман. Пришла выяснить отношения.

Лера спрыгнула с подоконника, выглянула в коридор, будто ожидала, что незваная гостья уже открыла дверь и поджидает ее. Но там, конечно же, никого не было.

В дверь снова коротко позвонили. Потом постучали.

— Кто там? — спросила Лера, подойдя ближе. Прильнула к глазку. У дверей стоял мужчина лет сорока, одетый в медицинскую спецовку темно-синего цвета.

— Валерия? — спросил мужчина. — Валерия Одинцова, верно? Откройте пожалуйста. Хочу задать несколько вопросов.

— По какому поводу?

— Я бы хотел с глазу на глаз... — произнес мужчина. Все это время он смотрел в экран телефона и что-то быстро в нем набирал. — Знаете, интимная беседа — самая лучшая.

Он поднял взгляд и посмотрел аккурат в дверной глазок.

— Вам не кажется, что это вот нежелание открывать дверь — прямой признак вашего нового нервного срыва? Вы ведь вернулись к съемкам в порно? Запустили свое обсессивное расстройство? А трахать предпочитаете женатых?

— Что?..

— Могу повторить, если вы не расслышали. Вам в больничку надо. Меня же не просто так вызвали. Впустите, мы посмотрим, оценим, отвезем.

— Откуда вы вообще взялись? Откуда у вас мой адрес? — Лерин голос сорвался на шепот. — Кто вас вызвал?

— Впустите, — предложил мужчина, снова выстукивая что-то пальцами в телефоне. Бледный экран освещал его широкое красноватое лицо, усеянное мелкими прыщиками. — У вас же вариантов не много. Или мы сами зайдем, или вызовем бригаду и полицейских. Вынесут вас вперед ногами. Идет?

— Я вас засужу… — пробормотала Лера, ощущая, как наваливается паническая слабость.

Она вспомнила санитаров в психиатрической клинике. Ничего плохого они никогда не делали, но стойко ассоциировались у Леры с самыми неприятными процедурами и приходами.

Мужчина ухмыльнулся:

— Мы сделаем вам только лучше. Подумайте сами, вы можете стать угрозой для других людей.

— Идите к черту! — закричала Лера и в бессилии ударила кулаками по двери. — Валите отсюда! Я сейчас позвоню знакомым, и они вышибут из вас дурь! Понятно? Кем бы вы ни были!

Стало тихо. Из-за двери больше никто ничего не говорил. Лера смотрела на темное отверстие глазка. Отступила на шаг, потом еще, и так, спиной вперед, дошла до кухни.

Короткий звонок в дверь разорвал наступившую было тишину. Лера подпрыгнула от неожиданности, ругнулась сквозь зубы.

Рванула по коридору, распахнула дверь. Мужчина стоял у лифта, запустив руки в карманы. Улыбался. Еще один, тоже в спецовке, прислонился плечом к стене у соседней двери.

— Можно я вас сфотографирую? — спросил он. — Никогда не видел порноактрис вживую. Вы еще даже ничего, хотя столько лет прошло. В раздел начинающей милфы неплохо подходите. Погуглю.

— Я же сказала — убирайтесь! — рявкнула Лера, хищно крутанувшись на месте. Понимала, что с двоими не справится, но также понимала (Лера из прошлого подсказала), что эти люди не санитары, а подставные шуты. — Кто вы вообще такие?!

Один из мужчин сделал пару снимков. Фотовспышка с треском разорвала полумрак пролета, заполнив поле зрения мельтешащими белыми пятнышками.

Это окончательно вывело Леру из себя. Она бросилась на мужчину, намереваясь расшибить нос, выцарапать глаза, разорвать в кровь губы. Пусть ее снова в чем-нибудь обвинят. Какая, к черту, разница?!

Мужчина же, хохоча, увернулся, отбежал ко второму, и они запрыгали по лестнице вниз.

— Вы истеричка, женщина! — доносилось с лестничного пролета. — Вам лечиться надо! Но вы не переживайте! Мы вызовем кого надо! У вас как раз кукушка окончательно поедет! Не переживайте!

Они исчезли из виду, оставив только грохот обуви по ступенькам; да и эти звуки скоро растворились — сразу вслед за хлопком входной двери.

Лера стояла у лифта. Сердцу было тесно. В горле пересохло. А мысли-то, мысли! Снова встрепенулись и метались под черепной коробкой. Через распахнутую дверь слышалась слабая мелодия телефона. Кто-то звонил. Утро внезапно выдалось суматошным.

В голове кричала Лера из прошлого, которая почувствовала короткий миг свободы: *«Догнать! Сломать нос! Разобраться!»*

Догнала бы, но не сейчас.

Когда она вернулась на кухню, телефон уже замолчал. Три пропущенных — и все с неизвестных номеров.

— Хрен вам… — пробормотала Лера. — Ни единого повода, понятно?

Словно не кидалась только что с кулаками на санитара.

Такое поведение в прошлом. Новая жизнь течет по новым правилам: спокойствие и умиротворенность. Лера взяла сонник, чтобы отвлечься, нашла заметку о вдове. Ничего оригинального. Одни неприятности. Выглянула в окно и увидела тех самых поддельных санитаров, сидящих на лавочке на детской площадке. Они следили за ее окнами и тут же приветливо вскинули руки. Заулыбались.

Неужели действительно будут ждать, когда Лера выйдет?

Пришло давно забытое ощущение. Колючее и холодное.

Безысходность.

Вот и ты, старая гостья, здравствуй.

Лера взмахнула рукой, будто разгоняла сигаретный дым. Задернула шторы.

Еще одна деталь к общему пазлу, который Пашка считает паранойей.

Снова завибрировал телефон. Неизвестный номер. Поднесла трубку к уху:

— Алло?

— Валерия? — спросил в трубке молодой женский голосок. — Это из психоневрологического диспансера номер девять вас беспокоят. Вы у нас проходили лечение…

— С десятого по двенадцатый… — пробормотала Лера.

— Все верно. Простите, если беспокою. Нам тут пришло несколько писем о вас. Указывается, что вы вчера хотели покончить жизнь самоубийством на почве обострения обсессивно-компульсивного расстройства.

— С чего вы?.. — Она захлебнулась подступившим кашлем. Затем выдавила: — Не было такого! Я не собиралась… Что еще за письма?

— Бумажные письма, — проворковал женский голосок. — Как в старые добрые времена. И еще фотографии.

— Какие, к черту, фотографии?!

— Хорошие. Как раз для публикации в интернете. Неплохая новость на будущую неделю. Так и вижу заголовки: «Дочь известного бизнесмена вскрыла себе вены из-за обострившихся старых психических расстройств». Вы на фотографиях почти мертвая, вся в крови. Вас вытаскивали из ванной. Как в десятом году, помните? Жаль, что вы не сдохли тогда. Не было бы больше неприятностей. Глядишь, некоторые люди остались бы живы и никогда не изменяли женам.

— Что?!

В трубке рассмеялись.

Лера тут же позвонила Пашке и обнаружила, что ощупывает кухню взглядом в поисках сигаретной пачки. Той самой, которую выбросила вчера в мусорную корзину... А мусор выносила? Не завалялась ли сигаретка среди пустых упаковок от йогурта и картофельных очисток?..

Пашка ответил быстро, выслушал сбивчивый Лерин рассказ и долго молчал в трубке. Потом сказал:

— Часа через два буду. Идет?

— У меня все равно нет выбора. Спасибо.

Лера снова выглянула в окно. Мужчины сидели на лавочке и наблюдали за ней. Снова вскинули руки, усмехаясь. По тротуару возле дома шла небольшая компания подростков. Кто-то из них вроде бы указал на Леру. Она отшатнулась от окна в испуге. Нырнула в коридор, где не было окон. Стояла в тишине минут десять, прислушиваясь. Ожидала услышать стука в дверь. Звонка. Чьих-то голосов на лестничном пролете.

— Думала, что избавилась от страха? — прошептала как бы самой себе, но в действительности затаившейся Лере из прошлого. — Думала, за семь лет все пришло в норму? Не бывает такого. Страхи никуда не деваются. Они ждут своего часа внутри головы, чтобы выпрыгнуть в подходящий момент.

Накатила мягкая податливая слабость. Лера опустилась на пол, вытянула ноги, упершись кончиками пальцев в стену напротив.

Однажды она три месяца безвылазно провела в съемной квартирке-студии на западе города. Потом почти полгода в палате психиатрического диспансера — если не считать плановых посещений. Это и называется безысходностью: когда есть дверь, но ее нельзя открыть. Ни под каким предлогом.

Лера закрыла лицо руками, как делала в детстве, чтобы разогнать страхи и забыть обо всем плохом. В детстве ни черта не помогало. Сейчас тоже. Страхи накинулись. Они вернулись.

Последняя съемка — потеха публике. Две тысячи девятый год, конец десятилетия, самое время.

Лера твердо решила, что больше не хочет сниматься в порно. Ей не надоел секс, об этом не могло быть и речи, но резко надоел сам процесс. Прямо с утра, когда проснулась в кабинете Толика в его баре и отправилась в туалет, сжимая в руке тест на беременность. Задержка месячных серьезно ее напугала.

Две полоски. В голове шумело. Толик храпел за дверью. Сукин сын, наверняка будет настаивать, чтобы она осталась. Он умеет уговаривать. Порно с беременными очень популярны. А потом можно сделать аборт. С какого там месяца? Надо погуглить и собрать всю доступную информацию. Сохранить. Убрать в коробочку.

А еще надо завязывать.

Она сильно напилась в тот день перед съемками и еще выкурила полпачки сигарет, наполняя сознание привычной агрессивной легкостью. Приметила новенького — оператора в армейской униформе. Подмигнула:

— Спаси меня, хорошо? Мне нужно выбраться отсюда раз и навсегда.

Через полчаса Лера сломала себе три ногтя на левой руке, расцарапав спину Вадика Тырцева, который как раз примерялся к ее заднице. Он взвыл от боли:

— С ума сошла, что ли?!

А она вцепилась зубами в его плечо, ощущая соленый вкус пота и крови, вырвала кусок, сплюнула на пол, хохоча.

Ее накрыло радостное безумие, желание крушить и ломать все вокруг, которое долгое время скрывалось в груди.

Нащупала глазами камеру с подмигивающим красным глазком, плюнула в нее кровью. Спрыгнула с кровати, но не добежала — зажали в четыре руки. Она зарычала. Ее утащили на кухню.

Тот самый новенький оператор, Пашка, запыхавшийся и взъерошенный, тряс Леру за плечи и что-то кричал. Ей брызнули в лицо водой. Она остервенело пыталась дотянуться ногтями до всех, кого успела заметить. Успокоить ее не удавалось. У нее кружилась голова.

— Уберите от меня руки!

Обнаженное тело все еще пахло лосьоном.

— Уведите нахер истеричку! — распорядился Толик, ответственный за съемки. — Потом поговорим!

Они не поговорили до сих пор.

Пашка протащил Леру в ванную комнату, долго умывал холодной водой, шептал на ухо успокаивающие слова, но при этом крепко держал одной рукой за плечо, чтобы девушка не вырвалась.

— Ты выделываешься… — пробормотала Лера. Она не собиралась этого говорить, но не удержалась. — По тебе сразу видно, что ты нихрена не служил, а просто надел армейское хаки, чтоб казаться круче. Таких, как ты, даже трахать жалко. Снимай робу и надевай что-нибудь приличное, тогда девки давать начнут.

— Тебя тоже жалко, дорогая, — ответил Пашка. — Я бы даже на полшишки не присунул.

Она хихикнула, взглянула на отражение парня в зеркале и, ощущая во рту, скользкий привкус, обронила:

— Кажется, я угробила свою жизнь…

— Никто не застрахован. Бывает. Выкарабкаешься.

Он вызвал такси, помог ей одеться, проводил на улицу.

— Ты спас меня? — наигранно спросила Лера, наигранно флиртуя и наигранно теребя тонкими пальцами свой подбородок.

— Можно сказать и так.

— Тогда приезжай вечером. Получишь награду!

Пашка ухмылялся добродушно — так ухмыляются, наблюдая за маленькой девочкой, которая напялила мамины туфли, чтобы казаться взрослой.

— Спаси меня еще раз! — фыркнула Лера, проваливаясь в тесный салон автомобиля.

Последнее, что она помнила из того дня, — вкус крови на губах, от которого очень хотелось избавиться.

Глава шестая

Пашка словно угодил в какой-то дешевый американский боевик. Хотелось верить, что в этом боевике ему отведена роль брутального главного героя, но на самом деле он вряд ли годился даже на второстепенного персонажа. Скорее, какой-нибудь актер третьего плана, фрик, появляющийся в кадре, чтобы вызвать смех.

В затасканной армейской форме, с сальными, давно не мытыми волосами, небритый, с темными и рыхлыми мешками под глазами — идеальный образ персонажа, веселящего публику.

Актер третьего плана, чтоб его, всю ночь плохо спал, ворочался, боролся с навязчивыми мыслями, крутившимися в голове. Мыслей было много, мысли были беспокойные.

Накануне Пашка примчался к Лере и сразу понял: ничего не закончилось. Приход продолжался. Лера сидела в коридоре, потрошила пачку жевательной резинки: вытаскивала подушечки, с хрустом разламывала и дробила ногтями. Знакомая сцена, ностальгическая. На полу

— белые крошки. На Лериных щеках — следы от растекшейся туши. Она успела накраситься, куда-то собиралась.

— Один сидит на детской площадке, с фотоаппаратом, — сбивчиво шептала Лера, неожиданно сильно вцепившись Пашке в ворот. — Второй приходил снова, стучал в дверь. Я не открывала и не отзывалась. Еще мне звонили. Двадцать четыре раза. Я не брала трубку. Неизвестные номера. Что делать? Где снова спрятаться?

На детской площадке гуляли малыши. Две хмурые мамы на лавочке пялились в телефоны. Вряд ли они поджидали Леру. Никаких санитаров не наблюдалось.

Пашка отвел подругу в ванную, умыл, потом провел на кухню и напоил чаем. Достал планшет и быстро нагуглил в интернете новость, появившуюся еще ночью: бывшая порноактриса, дочь богатого бизнесмена, пыталась покончить жизнь самоубийством. Вскрыла вены в ванной. Вовремя подоспевшие спасатели отправили ее в больницу.

История, растиражированная по мелким новостным лентам и пабликам, подкреплялась двумя фотографиями. На одной Лера, закутанная в махровый зеленый халат, с влажными волосами, закрывающими половину лица, сидела на табуретке в кухне и бездумно смотрела в камеру. Зрачки ее были красными от фотовспышки. На второй фотографии Леру, в том же халате, выносили из ванной. Нес Леру сам Пашка: худее на десяток килограммов, свежее, с густой бородкой, в которой еще не было откровенной седины. Обеим фотографиям было чёрт знает сколько лет. Лера пыталась покончить с собой в две тысячи десятом, после смерти дочери.

Неизвестные деятели не поленились и запустили в сеть старую историю, выдав ее за свежую. Наделали шума. Привлекли к Лере внимание (наверняка зная, как тяжело ей дается общение с посторонними людьми). Да еще и какая история! Попытка самоубийства! Блогеры и хейтеры такое любят, особенно сейчас. Ее отца тоже зацепило по касательной. Значит, скоро родственники набегут с расспросами, не избежать.

Ни один новостной канал не удосужился проверить информацию. Никто не заподозрил фейк. Главное, сыграть на ярком заголовке и фотографиях.

— Меня снова отправят лечиться? — тихо спросила Лера.

— Нет. Ничего страшного. Обсосут косточки и к вечеру уже не вспомнят. Времена изменились. — Пашка показал Лере планшет и усмехнулся. — Кто-то устроил тебе короткое пышное возвращение в новостные ленты. Какой-нибудь горячий поклонник. Никак не успокоится. Лайки собирает или что-нибудь в таком духе.

— Ага. Смешно. Только мы оба знаем, кто это, да?

— Ната?

— Она мне мстит. — Утверждение, завязшее в зубах. — Это понятно. Делает мелкие гадости, чтобы вывести из себя. Потому что знает, что я неустойчивая. Слишком много обо мне знает. Хочет добить и растоптать. Она всегда так делает.

Пашка снова усмехнулся, но не так уверенно, как хотел. Потому что Лера, по сути, оказалась права. Кому еще понадобилось бы запускать подобную новость в сеть? В мире полно спившихся звезд, скандальных певиц, извращенцев-актеров, о которых можно написывать, лишь бы рука не устала. Лера была из другой обоймы.

— Даже если это правда, не бери в голову. Справишься. Взрослая уже. А ей скоро надоест. Жизнь не стоит на месте.

— А если не надоест? Это же Ната. Моя целеустремленная идеальная сестрица. Однажды у нее что-то не заладилось с экзаменом по английскому языку в университете? Сколько раз она его пересдавала, чтобы получить пятерку? Семь!

— Семь, — эхом повторил Пашка. — Неплохо.

— А еще в две тысячи восьмом я поехала на ее день рождения. Папа предложил всем пострелять. Ната взяла пистолет и несколько раз выстрелила и промахнулась. Всё в молоко.

Парни бегали вокруг нее и учили правильно держать оружие, вытягивать руку, занимать нужную стойку. Она стреляла до тех пор, пока не стала попадать близко к «яблочку». Или как там это называется? Два часа стреляла. А мы все ушли в дом. Нам надоело. Одной Нате не надоело. Она добивалась того, чего хотела. Так почему бы ей сейчас останавливаться? Она решила свести меня с ума, вернуть обратно в клинику.

— Не уверен, что все так серьезно, но…

Лера торопливо взяла Пашкину руку в свои ладони. Ногти, заметил Пашка, обгрызены или поломаны — как тогда, много лет назад.

— Поговори с ней, пожалуйста. Я не могу, у меня сил не хватит.

— О чем поговорить?

— О моей ошибке. О том, что случилось. Я признаюсь, что виновата. Мне нет прощения, глупость совершила несусветную. Любовница вшивая, счастья для себя захотела. Кто я такая, чтобы уводить мужа у сестры? Все признаю, все понимаю. Готова пройти курс реабилитации, уехать из города, что угодно, пусть только остановится! Мне не вынести второй раз.

— Ты преувеличиваешь. Как в тот раз, когда искусала чувака на съемках. Могла бы просто уйти. Вряд ли бы Толик тебя удерживал насильно.

— Возможно. Я, наверное, схожу с ума. Мне надо к врачу, а я боюсь выйти из дома. Вот если ты поговоришь, станет лучше. Всем сразу станет лучше. Поговоришь? Пообещаешь?

— Я даже ее не знаю особо…

— Когда тебя это останавливало! Ты же тот самый Пашка, который вечно общается с милыми дамами и влезает в приключения.

— Давно это было, знаешь. Я уже староват для приключений.

— Ну ради меня, Паш. Я давно о чем-то просила?

— В пятнадцатом году в последний раз. Когда съезжала от меня в эту квартиру. Просила не влюбляться.

Она улыбнулась сквозь подступившие слезы:

— Дурак! И что, не влюбился?

— Конечно. Ты всего лишь жила у меня несколько лет, как жена-наркоманка из психушки. Ничего такого.

Теперь уже Лера рассмеялась в голос и несильно ударила Пашку кулаком по плечу.

Он пообещал поговорить с Натой, а потом повез Леру к врачу. Ждал на приеме, сгорбившись в неудобном кресле в коридоре, монтировал очередной ролик.

Вспомнил, как впервые привез Леру к себе. В тот же вечер, когда она снялась в «домашнем видео» в последний раз. Позвонил ей, спросил, как себя чувствует. Услышал глухое: «Приезжай» и приехал — примчался! — ощущая нелепую тревогу за незнакомую девушку. Казалось бы, только утром пялился через камеру на ее голую задницу и крохотные сиськи, а теперь вот постучался в дверь, прислушался к шагам (шлепанье босых ног по линолеуму). Она открыла, обнаженная, растрепанная, ничуть не изменившаяся с утра. Прямо на пороге, не пуская в коридор, рассказала, что у нее сексуальная зависимость, а еще алкоголизм и любовь к легким наркотикам, психическое расстройство, о котором она искала информацию в интернете, но сохранила вкладки на флешки и все давно забыла. Она сдохнет, если не выпьет сейчас виски с колой и не займется сексом. Готов ли он разделить с ней зависимости? Готов ли спасти ее снова? А Пашка, заглянув ей за плечо, увидел клубы дыма и учуял дрянной запах блевотины. Предложил поехать к нему. Он и правда вдруг захотел ее спасти. Совершить хотя бы один хороший поступок в жизни.

Девушка не отказалась. Они ехали по ночному городу, Лера открыла боковое окно, громко вопила на прохожих, а потом хохотала над их реакциями.

«Ты обещал спасти меня еще раз! — сквозь смех говорила она. — Я скоро рожу ребенка, понимаешь? Месяцев через девять или около того. Мне нужно, чтобы кто-нибудь меня выта-

щил. На родителей и сестер надежды нет. С ними покончено. Только ты у меня остался, слышишь? Ты откуда вообще взялся такой?»

…После приема у врача поехали в аптеку, купили нужных лекарств. Прямо в машине Лера выпила две капсулы «Ревинола» и, откинувшись на сиденье, долго растирала пальцами виски.

— Тебе надо развеяться, — предложил Пашка. — Без интернета, что-нибудь по старинке. Сходи в кино или в кафе.

— Легко говорить, — отозвалась Лера. — Ты со мной?

— Не уверен, что я тот, с кем можно отвлечься от проблем.

— Тогда мне нужно хорошенько постараться, чтобы найти хоть кого-то. — Она стала шутить. Хороший признак. — Вообще ты прав. У меня на примете была Вика. А что? Давно не завтракали вместе.

— Вот и позвони. Хороший вариант.

Пашка довез Леру до дома, напоил чаем и сидел у нее до вечера.

Он вышел из квартиры около пяти, в серость стремительно угасающего дня. Пашке нравились сумерки, на изломе дня и ночи, когда вокруг стираются краски, все становится одинаково серым, как в старой поговорке. В сумерках хорошо размышлять.

Пашка направился к остановке, но потом передумал и зашагал по тротуару в сторону кофеен, которые выстроились неровными рядами на торговой площади неподалеку.

В чебуречной, куда он забрел, было малолюдно. Пашка пристроился за столиком в углу, заказал пиво и первым делом закончил монтировать очередное видео. Затем нырнул в интернет.

Если бы информационная зависимость была заразной, то Лера бы его заразила. По крайней мере, ей удалось заложить Пашке в голову сомнения. Большие такие сомнения, похожие на толстых влажных червей, которые крутились и не давали успокоиться.

У Лериной сестры действительно был мотив, и, похоже, она решила сыграть с Лерой в безумную игру мести. Довести до нервного срыва.

Лера была человеком второго сорта в глазах Наты. Потому что ушла из семьи, отвернулась от богатого отца и изрядно насолила своим поведением его бизнесу. Пашка помнил Василия Ильича — тот приезжал со своими телохранителями к нему в квартиру и беседовал с Лерой в десятых годах. Типичный дядя из девяностых: вроде бы спокойный, рассудительный, но с безумием во взгляде. Таким лучше дорожку не перебегать. Несложно представить, что он почувствовал, когда посмотрел порноролики со своей дочерью. В тот год Лера лишилась части наследства и ежемесячных выплат. Ей осталась только однокомнатная квартира, да еще мама все-таки оплатила лечение.

Ната же, как правильная дочь, имела право на хорошую жизнь и счастливый брак. Чем и пользовалась. Но тут влезла Лера и увела мужа. Это как в древних трагедиях: рабыня влюбляет в себя короля и уводит его от семьи. Что делала королева в таком случае? Выпивала яд. Что могла бы сделать Ната? Правильно, отомстить.

Принесли пиво, и Пашка сразу же заказал второй бокал. Хотелось быть пьяным.

Дениса он знал только по разговорам Леры, но успел составить о нем собственное мнение.

Денис был типичным провинциалом, приехавшим в большой город для того, чтобы разбогатеть и выгрызть себе место под солнцем. Книг не читал, в музыке не разбирался, кино не интересовался, темы для бесед выглядели шаблонными до безобразия: машины, женщины, футбол, бизнес. Таких людей Пашка уважал только за одну черту: целеустремленность. А больше уважать их было, в общем-то, не за что.

Что в нем нашла Лера? Нежного любовника? Защиту? Какой интерес?

Пашка подозревал, что всему виной зависть. Неприятный, конечно, ответ. Пашка вряд ли озвучил бы его Лере. Тем не менее у Наты было все, а у Леры ничего. Ната оказалась умнее

в долгосрочной перспективе и взяла куш, а Лера наделала глупостей, осталась у разбитого корыта и банально не могла повернуть назад.

Лера отчаянно стремилась подняться над серостью обыденной жизни и вернуться туда, откуда когда-то сбежала. Иногда это проскальзывало в ее общении, в диалогах, мечтаниях и желаниях. Именно поэтому со временем она разделила свою жизнь на «до» и «после», похоронив прошлую Леру в воспоминаниях.

Немудрено, что она ухватилась за Дениса. Может быть, не осознавая. Может быть, искренне веря в то, что влюблена и что у них есть шанс на счастье… Кто вообще понимает психологию женщин, встречающихся с женатыми мужчинами?

Переспав с Денисом, она уже не стремилась быть наравне с Натой. Она хотела переиграть сестру. Стать выше. Вернуться в семью триумфатором.

«Посмотри, что я наделала! Я оказалась лучше тебя! Папа не сможет исправить ситуацию, верно? Его денег не хватит!»

Пашка бы не удивился, если бы Лера в итоге заставила Дениса развестись и вышла за него замуж сама, созвав всех своих родственников, для которых давно стала изгоем.

Она ведь, дурочка, не понимает, что творит. Все на подсознании, на глубинных интересах, не подконтрольных Лере нынешней.

Как итог: у Наты теперь есть мотив. У Леры — свершившаяся глупость. А между ними Пашка, сидит и пьет пиво, тратит время попусту.

Пашка открыл несколько кэшированных страниц из соцсетей.

Свадебные фотографии Дениса и Наты. Основные страницы уже были удалены. Эти тоже скоро исчезнут навсегда. Мир цифры во всей своей красе.

На фото счастливые молодожены. Не придраться.

— Сдалось это тебе?.. — пробормотал Пашка. Однако же тревожные мысли не отпускали. — Только время зря тратишь.

Он и сам не понимал, что хочет найти и какие кусочки мозаики сложить. Кончится тем, что он просто напьется в хлам до беспамятства, потом поедет домой и уснёт.

И все же…

Когда встречаются зависть, месть и любовь, жди беды. Старая поговорка. Что-то нехорошее витало в воздухе. Предчувствие опасности. Пашка привык доверять предчувствию еще с армии.

Завтра он поедет к этой самой Нате, поэтому хочется быть во всеоружии. Знать о ней немного больше, чем знал до этого.

Пашка любил влипать в приключения и чувствовал, что сейчас как раз подходящий случай.

Он нервно ухмыльнулся.

Принесли второй бокал пива.

Мысли все еще крутились в голове, как толстые склизкие черви. Надо было растворить их в алкоголе. И чем быстрее, тем лучше.

Глава седьмая

С утра Лера позвонила Вике и сбивчиво, торопливо, будто стыдясь, предложила вместе позавтракать. Как раньше. Две сестры, тихое кафе, разговоры ни о чем.

Вика сразу же назначила встречу в их любимом месте, в ресторанчике на берегу реки.

Долго собираться не пришлось. За окном светило солнце, редкое для этого времени года. Серые тучи, правящие бал почти две недели, расползлись, обнажив глубокое голубое небо. Лера накинула плащ поверх платья, подхватила зонт.

На улице заметно потеплело, хотя пейзаж был унылым, осенним. Голые деревья торчали из голой же земли, растопырив в стороны кривые ветки. Кто-то рассыпал у подъезда крошки хлеба, птицы от неожиданного подарка обнаглели, лезли под ноги.

— Кыш! Кыш! — прикрикнула Лера, прошла к машине, запрыгнула в салон.

В зеркальце заднего вида поймала взглядом собственное отражение, оценила на четверочку из пяти. С сестрами всегда нужно держаться на высоком уровне. Нет более критичных людей, чем твои родственники.

До ресторана доехала за двадцать минут, огибая пробки по старым дворовым маршрутам. Несколько раз ловила себя на мысли, что наблюдает за машинами, едущими сзади. Там могут сидеть санитары или кто-нибудь похуже. Могут следить. Могут снова начать портить ей жизнь.

Не дождетесь!

Припарковавшись, выпорхнула из салона, зашла в ресторан.

Непривычно заколотилось сердце. Людей было много. Показалось, что все разом повернули головы и посмотрели на нее. Сейчас кто-нибудь обязательно узнает, ухмыльнется, покачает головой, а то и спросит: «Это не вы, девушка, позавчера вены резали в ванной?» Тогда придется неловко оправдываться, врать — и уже не захочется завтракать, а вид из окна на реку станет серым, хмурым, под стать остальному пейзажу.

Никто ее, конечно, не узнал. Подошедшая девушка проводила к столику у окна. За столиком уже сидела Вика, остроносая и с красными щеками, прекрасная младшая сестра, с которой (как глупо-то!) перестали общаться. Она снова похудела, но уже не так сильно, как сразу после развода. Эта худоба ей шла.

Вика бросилась обниматься, защебетала на ухо:

— Здравствуй, красавица! Я так рада, что ты позвонила! Иногда с грустью вспоминаю наши посиделки. Каждый раз думаю, что надо бы тебя набрать, но… Суета, мать ее! Такая суета!

Они сели друг напротив друга, заказали тоже самое, что заказывали много лет назад: божественный кофе со сливками, круассаны с зеленью (теплые!) и на десерт — маленькие и аккуратные шоколадные маффины.

Глядя на улыбающуюся Вику, Лера тоже невольно заулыбалась и отметила, что зря, наверное, не возобновила общение с сестрой раньше. Психологи советовали не рвать дружеские связи, а наоборот, искать среди близких людей поддержку. Человек — существо социальное. Он выдержит любые проблемы, если есть кому излить душу. А что сделала Лера? Правильно. Обрубила связи, будто оголенные провода, и убежала в темную пещеру. У нее даже на работе так и не появилось ни одного приятеля.

— Выглядишь намного лучше, — сообщила Вика, бесстыдно разглядывая сестру.

— Чем когда?

— Чем на похоронах Дениса. Мы все в шоке были, конечно. Ната, видела, бледная как мел? Весь день не снимала темных очков. А я даже за очками видела, что у нее красные глаза. — Вика наклонилась и шепнула: — Пила, наверное, беспробудно. Такого мужика потерять, да?

Слова укололи, и Лера сразу же вспомнила, почему завязала с такими утренними посиделками. Потому что два человека всегда сплетничают о ком-то третьем. Постоянно. Этот процесс неискореним. Обсуждение того, кого нет рядом, — это даже не мода и не увлечение, а зависимость. Похуже интернета, сигарет или наркотиков.

— Он был хорошим человеком, — негромко сказала Лера.

— Я разве спорю? Отличным. Поэтому мы все в сильном, сильном горе. Ты его хорошо знала?

— Не совсем. Видела несколько раз.

— Я тоже. Не сказать чтобы мы общались. Так, на семейных ужинах, по праздникам, куда ты обычно не приезжала. Болтливый, самоуверенный, общительный. Хороший, дородный

самец. — Вика хихикнула. — Мой бывший ему в подметки не годится. И ни один мужик после… Денис за собой следил. Качался, тренировался, ел всякую диетическую полезную фигню. Я не сторонница здорового образа жизни, но таких людей уважаю. И ведь сердце! Подкосило! Так неожиданно.

Слава богу, принесли кофе. Лера закинула кубик рафинада, принялась размешивать, быстро сделала обжигающе-горячий глоток.

— Вкус как раньше! — пробормотала она, пытаясь уйти от разговора о Денисе, так не к месту начавшемуся. — Помнишь, мы каждое утро загадывали, проплывет здесь катерок с желтой полоской или нет?

— Он давно уже не проплывал, — ответила Вика, поглядывая в окно. — Я тут иногда завтракаю. Катерка нет. За штурвалом сидел старик, прожженный морской волк. Он, наверное, умер.

— Готова поспорить на кофе, что приплывет сегодня. Это же наше первое совместное утро за много лет! Должен приплыть, посмотреть на двух потрепанных девиц, поедающих маффины.

— Нам еще нет и тридцати! — взмахнула ладонью Вика.

Жизнь ее здорово потрепала. Меньше, чем Леру, но все же.

Жуткий был развод, со скандалами, угрозами, шантажом. Артем заплатил двум знакомым парням, чтобы те подкараулили Вику в подъезде. Она имела деньги, квартиру, машину, а бывший муж — долги, игровую зависимость, прогоревший бизнес в Подмосковье и острое желание избивать жену. Он не очень-то согласился с таким раскладом при разводе и планировал при помощи костоломов выколотить из Вики подписи на правильных документах.

Вику спасла бутылка вина. Когда она заходила в подъезд, бутылка выскользнула у нее из рук и разбилась. Вика наклонилась, сетуя, что придется снова идти в супермаркет. В этот момент из темноты вышли два долговязых паренька в характерных спортивных костюмах, в кепках и с золотыми цепочками на шеях. Вика действовала рефлекторно, а дальнейшее вспоминала, как в тумане (или попросту не хотела никому рассказывать). В руке оказалось разбитое бутылочное горлышко. Вика полоснула ближайшего парня «розочкой» по щеке, второго со всей силы ударила носком туфли между ног.

Кто-то открыл входную дверь, Вика вывалилась на улицу, спиной вперед, продолжая размахивать окровавленной «розочкой». Парни продолжать не решились.

А через несколько дней подключился папа. Викины проблемы он решал неохотно, но в итоге оставил младшую дочь при квартире, машине и средствах, а ее бывший муж стремительно исчез на горизонте со всеми своими долгами и проблемами. Артем погиб через несколько лет, заснув с сигаретой на кровати, — сгорел в крохотной захламленной квартирке. Лера не удивилась, когда мама об этом рассказала. Туда и дорога.

— Как себя чувствуешь? — спросила Вика. — Как твои приходы? Читала вчера новость. Фотки знакомые. Фейк? А еще кто-то слил твои видео. Ну, те, где ты… Сама понимаешь. Мы думали, их все удалили.

— Как видишь. Ничего я не резала, никто меня не спасал. — Она показала запястья, где белели тоненькие нити старых шрамов. — Но настроение, конечно, паршивое. Хорошего мало.

— Видео, надеюсь, тоже старые? Ты же ничем таким не занимаешься сейчас?

— Было бы с кем, — улыбнулась Лера. — Давно завязала, ты же знаешь.

— Тебе надо развеяться. Выбрасываешь, значит, из головы грустные мысли и потом до самого лета ходишь, как на заряженных батарейках. Главное, перерезать канат, к которому крепится якорь из прошлого.

— Ага. Звучит замечательно. Только мне уже советовали. Не очень-то верю.

— А и не надо верить! Надо попробовать! — оживилась Вика, — Ты что делаешь по вечерам?

— Я по вечерам работаю. И по ночам тоже. А днем отсыпаюсь. У меня ужасный график. Совершенно не подходит для того, чтобы развеиваться.

Принесли маффины.

— Вина еще, пожалуйста, — попросила Вика у официанта, потом вернулась к разговору. — А я дизайнер. Вложилась в стартап, открыла площадку для продаж. Изготавливаю ручные украшения. Модно. Поэтому свободного времени много. Давай все-таки развеемся, а?

Она не допила кофе, когда принесли вино, но Вику это не остановило. Облизнув тонкие губы, сделала глубокий глоток. Щеки ее раскраснелись еще больше. Лера вспомнила, как Ната постоянно подшучивала насчет этой красноты. Про капилляры и ужасный Викин загар. Шутки у Наты были жестокими. Одним летом Вика месяц не выходила из дома, чтобы не сгореть на солнце. Она как раз подружилась с мальчиком в школе и боялась, что он не будет с ней общаться, если увидит, как ее кожа облезает вокруг губ и под носом. А Ната хихикала и угрожала вытащить Вику на улицу силой. Когда Вика готова была уже лезть на стену от злости, Ната вручила ей крем от загара, помогла его нанести и проводила сестру на свидание, но подшучивала еще долго.

— Отпросись с работы, — посоветовала Вика, опустошив бокал вина примерно за полминуты. — Заметано. Сегодня же. Утраиваем ночь проветривания головы. Как идея? — Вообще-то идея была так себе. — Я все оплачу, это не проблема. Понимаю, с деньгами может быть напряг. Как насчет «Вирус-клуба»? Поддержишь сестрицу?

«Вирус-клуб» был особым местом. В нем Лера напивалась до беспамятства, глотала таблетки и беспорядочно знакомилась со всеми подряд. Этим клубом заправлял Толик — гуру ее сексуальной зависимости. Именно он предложил Лере зарабатывать деньги в «домашнем» порно.

— Я иногда там бываю, — сказала Вика. — Нам же и правда нет еще тридцати! Разве мы старушки? Надо сорваться, по-хорошему сорваться. Чтобы с водочкой, под караоке, Аллегрову, парни симпатичные вокруг. Ты когда последний раз трахалась с восемнадцатилетним пацаном? Кровь с молоком! Силы, как у молодого жеребца! Ну или можно встретить старого знакомого. Есть люди, которые до сих пор по тебе сильно скучают! А? Надо бы воскресить ощущения.

Лера поняла, кого Вика имеет в виду. Старые знакомые как раз и были тем якорем, от которого она избавлялась много лет. Лера, может, и хотела бы воскресить ощущения, но далеко не все.

Воспоминания перемешались так сильно, что нельзя было отделить плохие от хороших. Она не помнила грани между весельем в клубе и ночной депрессией в пустой квартире. Не знала, хорошо ли трахаться с несовершеннолетним, или после секса придет ужаснейшее разочарование, накроет, как старую наркоманку без дозы. Как вообще определить, если вся жизнь в те годы походила на кусочки пазла, разбросанные в темноте?

— Не уверена, что смогу, — ответила она наконец.

— Брось! Пора возвращаться, сестрица! Там, где было хорошо!

Вика заказала еще бокал вина. Интересно, до какого состояния она напивается к вечеру? Или организм настолько привык, что теперь опьянение —норма? Водит ли сестра машину, и если да, то как уедет отсюда?

— Мне там было хорошо десять лет назад. Это же целая вечность. Я изменилась, время другое, жизнь другая.

— Скучная жизнь. Серая и однообразная. Сама же сказала — работа, дом, работа. Как у миллионов людей. Ты, наверное, еще и еду на дом заказываешь, да? Фитнесом пытаешься заниматься. Бегаешь по утрам, ешь салаты без майонеза, ничего жирного, алкоголь только по праздникам. Читаешь книги? Сейчас все читают. Надо еще в марафоне поучаствовать и в велозабеге. Тоже модно! — Вика рассмеялась. — Только это и есть унылая и никчемная жизнь,

Лерочка. Ты думаешь, что живешь хорошо, но нет. На самом деле это раньше мы жили хорошо. Когда была безбашенность. Неопределенность! Риск! Мы выходили из дома и не знали, где окажемся ночью и в чьей квартире проснемся на следующее утро! Мы не разбирали, что пьем и что едим. А вместо фитнеса — секс! Да? Вспомни, ну же!

–Так и было… — пробормотала Лера.

Особенно ее зацепил вот этот переход на «мы». Как будто Лера только в одиночестве была серой и унылой. А с кем-то в компании жизнь расцветала и становилось… другой.

— Тогда надо повторить. Хотя бы раз. Вместе. — Принесли второй бокал вина, и Вика выпила его почти так же быстро, как и первый. — Не терплю возражений, — добавила она. — Сегодня вечером. В клубе Толика. Я заеду.

Лера не ответила. У нее был выбор. Или сбежать от сестры в ночную смену, отгородиться, как раньше, потерять связи, вернуться туда, откуда пыталась выкарабкаться при помощи Дениса. Или действительно зацепиться за нормальную жизнь.

— Смотри, кораблик! — Вика ткнула пальцем в окно.

Действительно, из-под моста медленно показался тот самый катерок с желтой горизонтальной полоской на боку. Он неторопливо рассекал спокойные речные волны, направляясь к пристани. За штурвалом стоял какой-то молодой паренек в бейсболке. Кораблик был тот, а капитан — нет.

— Это фальшивый катер… — пробормотала Лера. — Не считается.

После чего тоже заказала себе вина.

Пашка остановился не у дома Наты, а в квартале до него, затем пошел пешком, собираясь с мыслями. Актеры третьего плана в дешевых боевиках постоянно так делают. Маски они снимают только по ночам, запершись в квартире, — вешают на крючок образ умудренного жизнью мужичка и облачаются в безэмоциональную тень, у которой нет ни будущего, ни прошлого, ни даже настоящего.

В районе было тихо, автомобилей было мало. Как и прохожих. Богачи предпочитали сидеть каждый в своем доме, за высокими заборами, охраняемые камерами и сторожевыми собаками, за звукоизоляционными стенами. Чем меньше вас видят — тем лучше. Ни звука, ни намека. Богачи — те же актеры, только чуть более удачливые. Они вовремя сообразили, где и как использовать свой талант, кому какую улыбку показывать и перед кем играть самые яркие в жизни роли. Так что в этом плане не было между Пашкой и богачами особой разницы. Дело в принципах.

Небо становилось серым, тени торопливо удлинялись, словно пытались оторваться от своих хозяев и ускользнуть, прежде чем наступит ночь и поглотит их всех. Пашка написал Лере: «Иду к Нате. Пожелай удачи». Лера не ответила. Она, должно быть, снова мечется по тесной квартирке, обнаженная и вспотевшая, с кусочками рафинада в руках, выдумывая всякое. Хотя, может быть, выпила таблетки и завалилась спать. Маловероятно, но может…

Он остановился у калитки с номером «23». Под номером висела деревянная табличка с надписью «Осторожно, злая собака!». Пашка знал, что у Наты домашних животных нет. Лера сказала, что Денис мечтал завести добермана, но жена не разрешала. Собака легко разрушила бы идеальную атмосферу Натиного дома.

Вдавил кнопку звонка, услышал дребезжащую трель где-то в глубине двора. Подождал, нажал снова. Обычно срабатывал домофон или щелкал, открываясь, замок — пришедшего видели в камере, подмигивающей красным пятнышком под козырьком калитки. Но сейчас никто не отозвался.

Может, это к лучшему, что Наты нет дома? Может, так и надо?

Но откуда тогда выползло странное тяжелое чувство? Ответственность? Стыд? Нежелание приезжать сюда снова?

— И что вы мне предлагаете?.. — пробормотал Пашка, в третий раз вдавливая кнопку звонка.

Динь-динь-динь!

Трель пронеслась по двору и затихла. Пашка отошел на пару шагов, надеясь за высоким забором разглядеть дом: горит ли свет в окнах? Есть ли признаки жизни? Может быть, его просто не хотят впускать?

Окон видно не было, зато он вдруг увидел щель между воротами и забором. У ворот был механизм горизонтального закрывания — и сейчас высокая металлическая панель попросту не доехала до конца. Щель получилась неширокая, сантиметров пятьдесят. Ворота едва слышно гудели, будто где-то в них что-то заклинило. Вероятно, Ната уехала, не проверив или не дождавшись, когда ворота закроются. Да и кто вообще проверяет такие вещи?

Сквозь щель можно было разглядеть двор, пожелтевший осенний газон, листья на траве, бетонную тропинку, дом. Правее — гараж на два автомобиля. Слева — большой мангал под козырьком, столик, несколько складных стульев, лежащих на нем.

Пашка подошел, осмотрелся и совершил вполне осознанную глупость: пролез боком во двор. Злая собака не выскочила. Свет в доме не загорелся. Сгущающиеся сумерки стремительно затирали следы такого вот нехитрого преступления.

Вляпался в приключение, как и всегда, не размышляя ни минуты, поддавшись импульсу. Так же, как когда много лет назад примчался к едва знакомой порноактрисе. Или когда вытаскивал ее из ванной комнаты на глазах журналистов и врачей. Глупость и приключения — синонимы. Пашка в этом отлично разбирался.

Он нервно хихикнул и нащупал в нагрудном кармане пачку сигарет: дешевую «Приму» без фильтра. Любил горький и въедливый вкус табака. Когда не было времени лепить самокрутку, с удовольствием выкуривал парочку «армейской классики».

Вставил сигаретку в угол губ, но не зажег. Она сама по себе настраивала на нужный лад.

Пересек лужайку, пиная листья, поднялся на крыльцо. Глупо было ожидать, что Ната забудет закрыть двери. Так и вышло. Обошел вокруг дома, заглядывая в темные окна. Под ногами мягко пружинил газон.

Иногда кажется, что вот-вот завяжешь с дурацкой привычкой, но появляется мимолетный стимул — и все. Снова ввязываешься во что-то, ощущая только радость в груди. Бывших адреналиновых наркоманов не бывает. В этом они с Лерой очень похожи.

С обратной стороны дома одно из окон было открыто внутрь. Путь между улицей и комнатой преграждала только москитная сетка. Пашка остановился, жуя сигаретку уголком губ. Если бы все окна были закрыты, он бы ушел. Ну просто потому, что взламывать окна или дверные замки точно не его забота.

Пашка не верил в предзнаменования, персты судьбы или намеки, но окно было открыто, а значит, оставалось просто вытащить сетку из пазов, ухватиться за подоконник, подтянуться и перевалиться в темноту комнаты. Дел-то, как говорится, на полминуты.

Подоконник заскрипел под тяжестью его тела. Прошли времена, когда Пашка мог запрыгнуть вот так в окно, даже не сбив дыхания.

Глаза быстро привыкли к полумраку; проступили обтекаемые контуры бокового дивана, тумбочки, телевизора на стене, круглого стола, стоящего в центре. Здесь Ната принимала гостей. Торжественная обстановка, правильная подача блюд, музыкальное сопровождение, неудобные стулья и ощущение искусственности — вот что Пашка хорошо помнил с того единственного раза, когда пришел сюда с Лерой в качестве ее молодого человека. Лера постеснялась идти одна, а Пашка не мог отказать.

Вспомнил деталь: Ната подавала блюда таким образом, чтобы люди быстро насытились холодными закусками и не ели много горячего.

Он вышел в коридор. Справа были еще две комнаты, затем уборная и лестница на второй этаж. Слева — выход на кухню, и дальше — веранда с панорамным видом на двор, забор и гараж.

На втором этаже Пашка не был. Запретная зона для гостей. Жизнь Наты и Дениса без прикрас. Туда он и направился, мусоля сигарету губами, смакуя прилипшие к языку и нёбу кусочки влажного, набухшего табака. Наверху обнаружил три двери. За первой оказалась еще одна просторная уборная. Автоматически загорелась тусклая белая лампочка над зеркалом у раковины. Из зеркала на Пашку хмуро посмотрел небритый щекастый мужичок с сигаретой. В уборной приятно пахло. На тумбочке у ванны лежал глянцевый номер «Cosmopolitan».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.